

Уильям Петти. "Трактат о налогах и сборах"

Предисловие

Глава I О различных видах государственных расходов.

Глава II О причинах, которые увеличивают и делают более тягостными различные виды государственных расходов.

Глава III Каким образом можно ослабить причины недовольства налогоплательщиков.

Глава IV О разных способах взимания налогов, в первую очередь путем выделения из всей территории соответственной части для государственных надобностей в виде коронных земель, во-вторых же, путем обложения, или поземельного налога.

Глава V О проценте.

Глава VI О таможенных пошлинах и вольных гаванях.

Глава VII О подушном налоге.

Глава VIII О лотереях.

Глава IX О добровольных взносах.

Глава X О наказаниях.

Глава XI О монополиях и должностях.

Глава XII О десятине.

Глава XIII О различных менее значительных способах взимания денег.

Глава XIV О повышении и снижении достоинства монет и об их порче.

Глава XV Об акцизе.

"Классика экономической мысли"

Предисловие

Хотя молодые и суетные люди и женятся, быть может, не затем только, чтобы прежде всего иметь детей, а еще менее для того, чтобы иметь таких детей, которые могли бы быть пригодны для какого-нибудь особого призвания, однако, имея детей, они, как могут, хорошо устривают их в соответствии с наклонностями каждого из них. Точно так же, хотя я и написал эти страницы, чтобы только разгрузить свою голову от множества докучливых мыслей, а не для того, чтобы применить их в интересах какого-нибудь отдельного народа или предприятия, однако, поскольку они уже родились и их рождение совпало со временем назначения герцога Ормондского вице-королем Ирландии, я подумал, что они могут оказаться столь же подходящими в отношении этой страны, как и всякой другой; хотя возможно, что их польза будет довольно малой для какой бы то ни было страны.

1. Ирландия — это страна, требующая содержания в ней такой большой армии, которая могла бы заставить ирландцев отказаться от нанесения вреда себе самим и англичанам дальнейшими своими восстаниями. И эта большая армия должна вызывать наложение больших и тяжелых налогов на бедный народ и разоренную страну. Поэтому для Ирландии отнюдь не бесполезно будет знать природу и размеры налогов и сборов.

2. Приходы Ирландии [В 1662 г. Ирландский парламент провел акт о соединении и новом разделении приходов. Неизвестно, принимал ли Петти непосредственное участие в проведении этого акта, но последний точно отражает взгляды Петти на этот вопрос.] сильно нуждаются в регулировании путем объединения и деления их так, чтобы можно было правильно провести их границы и было бы удобно насаждать в них слово

- Боже. Поэтому сказанное мною относительно опасности избыточного числа священников может оказаться уместным и здесь, когда новая география [*Вероятно, намек на карты Ирландии, приготовленные (и выгравированные на меди) под руководством Петти и содержавшие границы приходов. Для окончания их Петти обращался к королю с ходатайством о субсидии, но получил последнюю в недостаточном размере.*] этого острова, которой мы ожидаем, предоставит средства для вышеупомянутого регулирования.
3. Большое изобилие, имеющееся в Ирландии, лишь разорит ее, если не будет найден способ наладить выгодный вывоз; таковой же будет зависеть от надлежащих размеров пошлин и акцизов, о которых пойдет речь.
4. Так как Ирландия в целом имеет недостаточное население и так как правительство здесь никогда не будет в безопасности без наличия дорогостоящих армий до тех пор, пока большая часть населения не будет состоять из англичан вследствие ли привоза их или высылки ирландцев, то я думаю, что лучшим поощрением для англичан к переселению их сюда было бы осведомление о том, что королевский доход составляет свыше одной десятой части всего богатства, всех рент и дохода страны, что государственные расходы в ближайшем столетии не будут чувствоваться в Ирландии тяжелей, чем десятина в Англии, и что, по мере того как доходы короля будут возрастать, причины его расходов будут соответственно уменьшаться; а это — двойная выгода.
5. Применение труда нищих в Англии для исправления дорог и для превращения рек в судоходные создаст лучшие условия для продажи ирландской шерсти и скота. [*Параграф 5-й в подлиннике отсутствует*]
7. Полное понимание природы денег, понимание тех результатов, к которым приводит наличие монет разного рода и колебания их стоимости, а также результатов повышения их достоинства и порчи их является наукой, наиболее необходимой для Ирландии, которой в последнее время приходилось сильно и часто страдать от злоупотреблений благодаря незнанию этой науки. [*При Кромвеле в эпоху "протектората" (1649—1660) в Ирландии широко практиковалась чеканка монет частными лицами, что приводило к постоянным злоупотреблениям. Так, незадолго до прибытия Петти в Ирландию там были казнены несколько лондонцев за ввоз фальшивой и обрезанной монеты из Англии и стертой — из Перу. В 1660 г. был издан указ, точно устанавливающий достоинство золотых и серебряных монет.*]
8. Поскольку стоимость земли равна в Ирландии лишь шести или семи годовым рентам, тогда как по ту сторону Ла-Манша за нее приходится платить двадцать годовых рент, то было бы хорошо, чтобы жители Ирландии узнали причины этого явления вовремя, когда есть еще возможность исправить положение.
- Наконец, если у кого-либо имеются мысли, которые могли бы, пожалуй, оказаться полезными для Ирландии, то он с наибольшим успехом может представить их общественному вниманию именно теперь, когда герцог Ормондский [*Сторонник монархии, назначенный верховным правителем Ирландии после реставрации Стюартов (1661 г.).*] является вице-королем, ибо:
1. Его светлость знает весьма хорошо эту страну как в мирные времена и в делах, касающихся мира, так и в военные времена и в делах, касающихся войны; он понимает как интересы отдельных лиц, так равно и интересы всей страны и всех групп и партий, борющихся между собой в этом королевстве. И кроме того, он знаком с состоянием Англии, а также различных иностранных государств, поскольку это касается Ирландии.
2. Его светлость дал новые доказательства своих забот об интересах Англии в Ирландии и своей мудрости, проявленной им при улаживании, насколько возможно, различных запутанных конфликтов.
3. Земельные владения его светлости являются здесь самыми крупными из существовавших когда-либо в Ирландии, и, следовательно, он находится вне опасности, угрожающей тем proreges [наместникам] короля, на которых, по выражению Кемпдена, *Hibernia est semper*

querula [Ирландия беспрестанно жалуется], ибо нет оснований добиваться увеличения земель тому, кто и так уже имеет их больше всякого другого.

4. Иные вице-короли шли в Ирландию, главным образом, для того, чтобы восстановить или увеличить свое богатство, и удалялись, когда эта их задача оказывалась выполненной, не оставаясь здесь выслушивать протесты и жалобы жителей, вызванные их действиями. Между тем, его светлость дал этому народу залог своего хорошего правления и заранее устранил все опасения противного.

5. Его светлость не страшится делать все, что он считает правильным, вплоть до поддержки в правом деле отдельного человека против сплоченной массы, так как он стоит выше недоброжелательных пересудов завистливых и сварливых людей; ибо известная щедрость и великолепие его будут всегда избавлять его от недовольства народа, а его неоднократно испытанная верность лишит силы всякое коварное нашептывание его величеству.

6. Его отзывчивое отношение ко всякому изобретательному начинанию побудит мудрых людей нашей восточной Англии последовать за его звездой в Ирландию и здесь преподнести свои самые лучшие советы тому, кто в состоянии наиболее рассудительно выбрать их и следовать им.

Наконец, эта великая особа берет на себя руководство большим делом устройства Ирландии в такой период, когда она представляет собой чистый лист бумаги, когда заседает парламент, наиболее доброжелательно расположенный к этой особе и восприимчивый к его советам, — при короле, живо интересующемся и заботливо относящемся к преобразованиям, — и когда имеется возможность претворить в положительные законы все то, что является справедливым, разумным и соответствует законам природы.

Вот почему, применяя мои мысли к Ирландии и публикуя их теперь, когда они могут принести пользу (если они вообще могут ее принести), я полагаю, что ударил по надлежащим струнам, и кую железо, пока оно горячо. Я заявляю миру, что я не считаю себя способным исправить его, и думаю, что для частного спокойствия каждого человека будет лучше, если он предоставит миру *vadere sicut vult* [брести по собственному желанию]. Я хорошо знаю, что *res nolunt male administrari* [вещи не хотят быть плохо управляемыми] и что дела (что бы я ни хотел или мог сказать) будут идти своим путем, и природу не обманешь. Поэтому все, что я написал, было сделано (как сказано раньше) лишь для того, чтобы облегчить и освободить самого себя, ибо моя голова была обременена этими вещами вследствие пересудов, которые мне ежедневно приходится слышать относительно развития и регулирования торговли, вследствие ропота по поводу налогов и т.д. Я не забочусь о том, отнесутся ли к сказанному мной с пренебрежением или с придиркой, ибо я смотрю на это так, как некоторые преуспевающие люди на расточительность своих детей. Подобно тому как им доставляет удовольствие приобретать то, что, как они уверены, будет впоследствии развеяно по ветру, так и я получаю удовольствие, когда пишу то, что, как я подозреваю, не будет иметь никакого значения. Поэтому, так как ничто нас не торопит и т.д. и у каждого найдется время и возможность, я предоставляю всю работу на суд беспристрастных людей, поправки которых никогда не вызовут у меня раздражения.

Глава I "О различных видах государственных расходов."

1. Государственными расходами являются расходы на оборону государства на суше и на море, расходы по обеспечению мира как внутри страны, так и вне ее, а также расходы на достойный отпор оскорблениям со стороны других государств. Все это мы можем назвать военными расходами (*Charge of the Militia*), которые при обыкновенных условиях, как

правило, не уступают по своим размерам никакой другой статье расходов, но в чрезвычайных условиях (т.е. во время войны или при угрозе войны) намного превосходят все остальные расходы.

2. Другой статьей государственных расходов является содержание правителей, главных и подчиненных. Я подразумеваю не только таких людей, которые тратят все свое время на выполнение своих соответствующих обязанностей по службе, но и таких, что тратят много времени как на то, чтобы сделать себя способными выполнить эту работу, так и на то, чтобы создать у своих начальников убеждение в том, что они обладают такими способностями и заслуживают доверия.

3. Содержание правителей должно быть изобильно и пышно в такой степени, какой редко-редко достигают частные усилия и профессии. Это необходимо для-того, чтобы предоставить правителям возможность пользоваться не только природными, но и искусственными источниками могущества.

4. Ведь если большое количество людей назовет одного из их числа королем, а этот облеченный властью государя человек не выказывает большего, чем у других, видимого великолепия и не может вознаградить лиц, послушных и угодных ему, и поступить противоположным образом с другими, то его облечение властью имеет мало значения, если даже он обладает большими физическими и духовными способностями, чем кто-либо другой из их числа.

5. Имеются должности, которые являются лишь пареруа [побочными занятиями], каковы, например, должности шерифа, мирового судьи, констебля, церковного старосты и т.д.; эти должности люди могут занимать без большого ущерба для их обычных способов существования, и достаточным вознаграждением за отправление их считается честь пользоваться доверием и удовольствие внушать страх.

6. В эту же графу могут быть отнесены расходы по отправлению правосудия как в делах частных лиц друг с другом, так и между государством или обществом в целом и отдельными членами его, а также как по исправлению и наказанию уже содеянных несправедливостей и преступлений, так и по предупреждению их на будущее время.

7. Третьей статьей государственных расходов являются расходы на содержание пастырей человеческих душ и руководителей их совести. Можно было бы подумать (так как это касается иного мира и лишь частных интересов каждого человека в нем), что это не должно совершаться за счет государственных расходов в этом мире. Тем не менее, если мы учтем, как легко обходить людские законы, совершать недоказуемые преступления, подкупать свидетелей и опровергать свидетельские показания, исказить дух и значение законов и т.д., то пойдем необходимость ввести в государственные расходы средства на обучение людей законам Бога; он ведь замечает злые помыслы и намерения и еще больше тайные дела и налагает в ином мире на вечные времена наказания за такие проступки, за которые люди в этом мире могут присудить только к легкой каре.

8. Работающие на такой государственной службе должны тоже содержаться с соответствующей пышностью и иметь средства, чтобы привлекать людей известным вознаграждением даже на этом свете, поскольку многие некогда следовали за самим Христом только ради хлеба, который он давал им.

9. Следующей статьей являются расходы на школы и университеты в особенности, поскольку они учат больше чем чтению, письму и арифметике; последние приносят особую пользу каждому человеку, являясь опорой и заменой памяти и рассудка, причем счет выполняет эту роль для рассудка, а письмо и чтение — для памяти. Должно ли обучение Богословию и т.д. стать частным делом, является для меня вопросом.

10. Школы и колледжи существуют, правда, в настоящее время большей частью лишь на пожертвования частных лиц или являются местами, где частные лица тратят свои деньги и время за свой собственный частный счет. Но было бы несомненно отнюдь не плохо, если бы они задались целью оказать всякую мыслимую помощь людям, наделенным от природы самым выдающимся и острым умом, направленным на изучение природы во всех ее

проявлениях. В этом случае они должны были бы содержаться за счет государства. Эти выдающиеся люди должны были бы отбираться для этой цели не в соответствии с мнением любящих родителей и друзей (вороны, считающие своих собственных птенцов самыми красивыми), но скорее в порядке одобрения другими, более беспристрастными лицами, такими, например, как те, которые в Турции отбирают из христианских детей наиболее способных стать орудием и поддержкой турецкого правительства. Об этих отборах мы скажем более подробно в дальнейшем.

11. Следующей статьей является содержание сирот, найденных и подкинутых детей, которые также являются сиротами, а также всякого рода немощных людей и, кроме того, таких, которые нуждаются в получении работы.

12. Ведь разрешение кому-либо нищенствовать — это более дорогостоящий способ содержания тех людей, которым закон природы не разрешает умереть с год оду, когда возможно найти пропитание. Помимо того, несправедливо допускать, чтобы кто-нибудь умирал с голоду в то время, как мы считаем правильным ограничивать заработную плату бедняков, так что они ничего не могут отложить на время своей инвалидности и отсутствия работы.

13. Последней статьей расходов могут явиться расходы на дороги, судоходные реки, водопроводы, мосты, порты и другие предметы, нужные для блага пользования всех.

14. Можно подумать и о других статьях расходов, благодаря которым и другие люди попали бы в число указанных либо были бы присоединены к ним добавочно, но для моих целей достаточно теперь установить эти важнейшие и наиболее очевидные из всех.

Глава II "О причинах, которые увеличивают и делают более тягостными различные виды государственных расходов."

1. Рассказав, таким образом, о различных видах государственных расходов, мы теперь рассмотрим причины, увеличивающие их как в общем, так и в частности.

Общей причиной является, во-первых, нежелание населения оплачивать их, каковое происходит от убеждения, что проволочкой и сопротивлением можно вовсе избавиться от оплаты их, и от подозрения, что обложение слишком велико, или что собранные суммы расхищаются или неправильно расходуются, или же что они неравномерно взимаются и распределяются. Все это вызывает излишние расходы при взимании их и заставляет государя принимать суровые меры по отношению к своему народу. процоветуют большому числу людей, собранных вместе, т.е., иными словами, разве не может стадо быть теперь более многочисленным, чем в том случае, когда каждую отдельную овцу приходилось, как до сих пор, чистить и стричь трижды в год при помощи исповеди и отпущения грехов? Если в Англии и Уэльсе имеется лишь около 5 млн., жителей, то к чему нам иметь больше 5 тыс. приходов, что составляет по 1 тыс. овец на каждого пастыря, тогда как в средних приходах Лондона имеется около 5 тыс. душ в каждом. Исходя из этого расчета, в Англии и Уэльсе должна быть лишь 1 тыс. приходов, в то время как их имеется около 10 тыс.

16. Сокращение приходов наполовину сэкономит (считая доход причта в среднем равным лишь 100 ф. ст. в год на каждый приход) 500 тыс. ф. ст. Помимо этого, когда число приходских священников сократится наполовину, то мы будем нуждаться лишь в половинном количестве епископов и деканов, капитулов, конгрегаций и кафедральных соборов, которые, пожалуй, обходятся еще в 200 или 300 тыс. ф. ст. И все же церковь

Господня будет обслуживаться даже более исправно, чем теперь, а священный, древний институт епископства не потерпит никакого ущерба, так же как и способ добывания средств на их содержание посредством десятины. И все это — путем большей и лучше соответствующей требованиям реформы.

17. Но, предположим, нам скажут, что в некоторых диких районах тысяча людей живет на участке площадью не менее 8 кв. миль. На это я отвечаю, что таких мест очень мало или их совсем нет, и самые большие приходы, которые мне известны, охватывают не более 3 или 4 кв. миль, а на таком пространстве не представляет труда для жителей собираться раз в неделю в каком-нибудь центральном пункте.

18. Кроме того, я утверждаю, что викарий, исполняющий должность священника и не имеющий большого образования, легко может, если он человек хорошей жизни и надлежащим образом проинструктирован, отправлять службу в четырех часовнях каждое воскресенье, а действительно ученый и красноречивый проповедник может проповедовать через воскресенье в каждой из этих часовен, уделяя одно воскресенье двум из них, а другое — остальным двум. А это вместе с обучением катехизису и добавочными проповедями в невоскресные дни будет давать столько же, сколько дается и сейчас, и столько, сколько с Божьего благословения необходимо для спасения души, ибо Христовы узы нестеснительны и бремя их нетяжело.

19. Но чтобы положить конец этим сомнениям, я утверждаю что если разбить Англию и Уэльс на участки по 3 кв. мили в каждом то у нас оказалось бы немногим больше 4 тыс. таких участков, на которых можно устроить приходы.

20. Если же скажут, что отчуждение этой десятины является святотатством, то я отвечаю, что если эти средства употребить на защиту церкви Божией от магометанства и папизма и от народов, которые исповедуют эти религии, то это совсем не будет святотатством; во всяком случае это будет им в меньшей степени, чем если дать три четверти этих средств женам и детям священников, которых и на свете не было, когда была установлена десятина.

21. Если бы я не питал отвращения к предложению о сокращении церковных средств, я бы мог сказать, что урезка части десятины и содержания причитающихся каждому из оставшихся пастырей и предоставление им взамен этой части свободных сборов с их паствы послужили бы на пользу делу распространения слова Божьего и такой порядок меньше оскорблял бы тех, кто считает, что все их содержание должно покрываться этим способом.

22. Я мог бы также сказать, что, поскольку в Англии больше мужчин, чем женщин (эта диспропорция pro tanto [соответственно] задерживает размножение), было бы хорошо, если бы священники вернулись к безбрачию, чтобы никто не становился священником, если он женат; ведь нетрудно среди 5 млн. жителей отыскать 5 тыс., т.е. одного на тысячу, которые могли бы жить и жили бы холостыми. Тогда наш неженатый пастырь мог бы жить на половину своих доходов так же хорошо, как он теперь живет на весь доход.

23. Все время имеется в виду, что хотя число приходов и размеры доходов духовенства и уменьшатся, однако это должно быть сделано без вреда для имеющих сейчас в приходах священников.

24. Что касается уменьшения расходов на должности, относящиеся к администрации и суду, то оно будет заключаться в отмене всего излишнего, сверхштатного и устаревшего, а вместе с тем в сокращении оплаты и остальных до размеров, соответствующих труду, искусству и степени доверия, требующимся в каждом отдельном случае. Имеется ведь много должностей, которые полностью выполняются помощниками за незначительную оплату, тогда как их начальники получают в десять раз больше, хотя они совершенно не знают ни того, что было сделано, ни того, что нужно было сделать в том или другом случае.

25. Получающиеся вследствие этого излишки должны быть либо возвращены населению, которое давало их королю тогда, когда это жалование составляло лишь справедливое вознаграждение должностному лицу, либо же король, все еще удерживая их, может покрывать ими соответствующую сумму государственных расходов, а не расходовать их на удовлетворение назойливых притязаний отдельных лиц. Подобное благодеяние вызывает у

этих лиц и у всех их приспешников лишь бездеятельность, поскольку речь идет о подлинной и действительной выгоде для страны и для них самих в частности, а также полное пренебрежение и непонимание общественного блага.

26. Можно было бы привести в пример множество отдельных фактов этого рода, но так как моя цель не в том, чтобы повредить кому-либо в частности, то я на этом остановлюсь и выражу лишь пожелание, чтобы была проведена всеобщая реформа всего, что давным-давно пришло в негодность. В этом случае ни один человек в отдельности не должен пострадать. Ведь если все страдают, то никто не страдает, и никто не станет беднее, чем он есть сейчас, если все потеряют половину своего имущества, равно как и ничуть не станут люди Богаче, если их имущество удвоится, ибо Ratio formalis [действительный смысл] Богатства заключается скорее в отношении, чем в количестве.

27. Сокращение расходов на университеты, к которым я причисляю и немногочисленные юридические школы, означало бы уменьшение числа лиц, обучающихся Богословию, правоведению и медицине, и тем самым уменьшение применения этих профессий. Поскольку я уже говорил о Богословии, я перехожу сначала к правоведению и заявляю, что если бы велась регистрация всех земельных владений, а также всех передаточных записей на землю и обязательств по ним и если бы в то же время были учреждены общественные ссудные банки, ломбарды или банки, оказывающие кредит под залог денег, столового серебра, драгоценных камней, сукна, шерсти, шелка, кожи, полотна, металлов и других непортящихся товаров, то я не представляю себе, чтобы могло вестись более одной десятой доли тех судебных процессов и бумаг, какие мы имеем теперь. *[Все так называемые "подражатели Голландии" обычно требовали введения в Англии ломбардов и постоянных регистров, уже имевшихся в Голландии.]*

28. Далее, если установить число юристов и нотариусов, исходя из учета числа жителей, их земель и другого Богатства, то я не представляю себе, как бы при этом осталось больше одной сотой доли тех, какие имеются сейчас, поскольку мне приходилось слышать утверждения, что их имеется в десять раз больше, чем даже сейчас необходимо. А теперь ведь в десять раз больше судебных процессов, чем их было бы после вышеупомянутой реформы. Отсюда следует, что в общем, поскольку причины, вызывающие преступления и несправедливости, сильно сократятся, то не будет нужды и в одной сотой доле существующего количества хранителей закона и судебных учреждений.

29. Что касается врачей, то, опираясь на "замечания", сделанные недавно относительно бюллетеней смертности, нетрудно узнать на основании числа умирающих, сколько в Лондоне имеется больных, и, исходя из удельного веса столицы, установить число больных в стране; затем посредством этих двух цифр и прибегнув к совету ученой коллегии медицинского факультета вычислить, какое количество врачей требуется для всей страны и, стало быть, узнать, какое количество студентов этой профессии следует допускать к учению и поощрять. Наконец, высчитав это количество, можно присоединить к нему соответствующее количество хирургов, аптекарей и сиделок и, таким образом, приостановить всем этим и пресечь бесконечный наплыв напрасных претендентов на эти профессии, злоупотребляющих этим божественным факультетом, готовящим к единственному из всех светских занятий, которым стал заниматься сам наш Спаситель после того, как начал проповедовать.

30. Если далее будет установлено, какое число духовных лиц, врачей и юристов (т.е. лиц, воспитывавшихся в университетах) необходимо для выполнения общественной службы (полагают, что их имеется 13 тыс. при теперешних условиях и будет, вероятно, не более 6 тыс. при том сокращении, которое мы предлагаем), то, предполагая, что из них за год умирает один на сорок, мы найдем, что достаточно будет выпускать ежегодно из университетов не больше 350. Если предположить, что их пребывание в университете продолжается в среднем пять лет, то получится также, что число одновременно учащихся в университетах студентов не должно превышать 1 800 человек; я подразумеваю таких

студентов, которые намерены сделать науку своей профессией и источником своего существования.

31. Я могу при этом отметить, что если 1 800 студентов достаточно и если принять, что число приходских детей и найденных составляет в Англии 40 тыс., то весьма вероятно, что один на двадцать среди них мог бы обладать выдающимся умом и способностями. Поскольку общество может располагать этими детьми по своему усмотрению и поскольку в обоих университетах могут содержаться более 1 800 человек, то нельзя ли было бы сделать так, чтобы наши деятели науки избирались и воспитывались таким образом? Но об этом лишь попутно.

32. К этому можно еще добавить, что на основе вышеупомянутых ссудных банков, благодаря которым можно получать сведения о кредите и имуществе всех торговцев и предотвращать все таинственные опасности денег, и при наличии хорошей отчетности о наших урожаях, промышленности, потреблении и импорте можно было бы установить, какое количество купцов было бы в состоянии производить обмен наших избыточных товаров на избыточные товары других стран, а также какое количество розничных торговцев необходимо для дальнейшего распределения товаров в каждом селении нашей страны и получения в обмен имеющихся там излишков. На этом основании я полагаю, что можно было бы сократить и значительную часть этих купцов; они, собственно говоря, действительно ничего не заслуживают от общества, являясь лишь своего рода игроками, которые играют друг с другом за счет труда бедняков, сами же не доставляют никакого продукта, а играют лишь роль вен и артерий, распределяющих туда и назад кровь и питательные соки государственного тела, а именно продукцию сельского хозяйства и промышленности.

33. Если бы были сокращены многочисленные должности и жалованья, связанные с управлением, судом и церковью, а также число духовных лиц, юристов, врачей, купцов и розничных торговцев, получающих каждый большие оклады за произведенную для общества незначительную работу, то насколько облегчило бы это покрытие общественных расходов и насколько возросла бы равномерность их распределения.

34. Мы перечислили шесть статей государственных расходов и вкратце пояснили, как можно сократить четыре из них. Сейчас мы переходим к двум остальным статьям, которые мы скорее рекомендовали бы увеличить.

Первую из этих двух статей я называю, говоря вообще, заботой о бедных, что сводится к организации убежищ для престарелых, слепых, хромых и других калек, госпиталей для беспокойных больных, больных хроническими, излечимыми и неизлечимыми, внутренними и наружными болезнями, с отдельными госпиталями для больных острыми и заразными болезнями и еще другими для сирот, найденных и подброшенных детей. Из этих последних не должен быть отвергнут ни один ребенок, как бы много их ни было, при условии, что их имена, семьи и родственные отношения будут сохранены в строгой тайне. Отбор этих детей, произведенный по достижении ими приблизительно восьми- или десятилетнего возраста, может дать королю наиболее подходящие орудия для ведения всякого рода дел его, причем они будут столь же безусловно обязаны верно служить ему, как и его собственные кровные дети.

35. Это отнюдь не является ни новым, ни редким мероприятием, и только забвение его в наших странах заставляет считать его редким и новым проектом. Известны также и те отличные результаты, которые получались от этого института, о котором мы скажем гораздо больше и в дальнейшем в связи с другим вопросом.

36. Когда все беспомощные и немощные люди будут, таким образом, обеспечены, а лентяи и воры обузданы и наказаны министром юстиции, мы найдем в результате определенные постоянные занятия для всех остальных нуждающихся людей, которые, работая соответственно изданным для них правилам, могут требовать достаточного количества пищи и одежды. Их дети (если они малы и немощны), как уже было сказано, тоже обеспечиваются другим способом.

37. Но в чем должна заключаться эта работа? Я отвечаю: в том, что было учтено как шестая статья государственных расходов, а именно в том, чтобы сделать все шоссейные дороги настолько широкими, прочными и ровными, чтобы расходы и утомительность путешествий и перевозок благодаря этому сильно уменьшились; в углублении и расчистке рек и в превращении их в судоходные; в насаждении в подходящих местах полезных деревьев, доставляющих строевой лес, удовольствие, а также плоды.

В возведении мостов и плотин.

В разработке рудников, каменоломен и каменноугольных копей.

В выплавке железа и т.д.

38. Я останавливаюсь на всех этих особенностях, во-первых, потому, что это — работы, в которых нуждается наша страна, во-вторых, потому, что эти работы требуют большого количества труда и малого искусства, и, в-третьих, потому, что при этом в Англии вводятся новые промыслы, которые возместят суконный промысел, почти полностью нами утерянный [*Почти все авторы того времени (1662 г.) говорят об упадке суконного производства.*].

В ближайшем месте будет поставлен вопрос: кто будет платить этим людям? Я отвечаю: каждый. Ибо если в данной местности живет 1 000 человек и 100 из них в состоянии производить пищу и одежду для всей тысячи; если следующие 200 производят столько товаров, сколько другие нации готовы брать в обмен на свои товары или на деньги; если следующие 400 заняты созданием драгоценностей, удовольствий и внешнего блеска для всех; если, наконец, 200 человек исполняют обязанности правительства, духовенства, юристов, врачей, купцов и лавочников, всего, стало быть, 900 человек, то возникают вопросы: раз пищи хватит также и для пропитания этих сверхсметных 100, то как они [*При переводе этой цитаты в русском издании "Теории прибавочной стоимости" допущена неточность, здесь исправленная.*] получают ее? Будут ли они добывать себе необходимое воровством или нищенством, или они доведут себя сами до голодной смерти, не получая ничего путем нищенства, или будут пойманы в воровстве и приговорены к смерти иным образом? Или их передадут какой-нибудь другой стране, которая согласна будет их принять? Для меня ясно, что они не должны ни умирать с голоду, ни быть повешены, ни быть отданы за границу. Однако, если они нищенствуют, они могут умирать от голода сегодня и объедаться и пресыщаться завтра, что ведет к болезням и дурным привычкам. То же можно сказать и про воровство. Кроме того, они могут нищенством или воровством добыть больше, чем им необходимо, что отвратит их навсегда от работы, даже при самой благоприятной возможности, которая может внезапно и неожиданно открыться.

39. По всем этим основаниям будет, несомненно, более благоразумно предоставить им избыточные продукты, которые иначе будут потеряны и истрачены или бесцельно потреблены. В случае же, если излишка не имеется, следует сократить немного изысканность питания других как в количественном, так и в качественном отношении, ибо немногие тратят меньше, чем вдвое, по сравнению с тем, что может быть достаточно для них для удовлетворения одних лишь естественных насущных потребностей.

40. Что касается работы этих сверхсметных людей, то пусть лишь она не потребует расхода иностранных товаров, и тогда не имеет значения, употреблена ли она на постройку бесполезной пирамиды на Салисберийской равнине, на переноску камней из Стонгенджа в Тоуэрхилл или на что-нибудь другое в этом же роде; ибо в худшем случае это приучит сознание этих людей к дисциплине и повиновению, а их тела — к выносливости, которая потребует от них при более полезной работе, когда в ней появится нужда.

41. А теперь, чтобы пояснить примером полезность того, что было выше предложено, я спрашиваю, какую выгоду дадут исправление дорог, постройка мостов и плотин и превращение рек в судоходные, помимо приятности и красоты их? На это я отвечаю, тоже ссылаясь в качестве примера на предложенное выше, что все это вместе с вывозом большого количества рогатого скота и овец из Ирландии приведет к образованию большого избытка английских лошадей, которые могут стать товаром, имеющим хороший сбыт во всей

Европе вследствие соединения у них множества выдающихся качеств — красоты, силы, смелости, быстроты и выносливости, превосходящих эти качества у лошадей из других стран. Причем качества эти как зависящие от внутренних (intrinsic) особенностей английской земли не могут быть точно воспроизведены или отняты у нас другими странами. Сверх того, лошади — такой товар, который доставит как себя самого, так и своего продавца на рынок, хотя бы и далеко расположенный.

Глава III "Каким образом можно ослабить причины недовольства налогоплательщиков."

Мы весьма кратко рассказали о шести статьях государственных расходов и показали (хотя и несовершенно и поспешно), что повело бы к увеличению и что к сокращению их.

Мы переходим теперь к вопросу об устранении некоторых общих причин, вызывающих недовольство при уплате налогов и сборов. А именно:

2.1. *[Нумерация дается здесь и в дальнейшем по подлиннику.]* Население полагает, что государь требует больше, чем ему нужно. На это я отвечаю: если бы государь был уверен, что он вовремя получит то, в чем нуждается, то он причинил бы себе большой вред, извлекая деньги из рук своих подданных, которые при помощи разных промыслов приумножают их, и припрятав их в своих собственных сундуках, где они не только не приносят даже ему самому никакой пользы, но и подвергаются опасности, что их раздарят на подачки или без толку растратят.

3. 2. Как бы ни был велик налог, но если он ложится на всех пропорционально, никто не теряет из-за него какого-либо Богатства. Ибо люди (как мы уже говорили) останутся одинаково Богатыми, сократят ли у них всех имущество наполовину или удвоят его так как каждый сохранит свое прежнее положение, сан и звание. Кроме того, поскольку собранные деньги не уходят из страны, последняя остается одинаково Богата по сравнению с другими странами; только Богатство государя и Богатство народа будут отличаться друг от друга на протяжении некоторого небольшого времени, а именно до тех пор, пока взимаемые у кого-либо в виде налога деньги не вернутся снова к нему же или к другим налогоплательщикам. В этом случае каждый также будет иметь шансы и возможность выиграть или потерять при новом распределении; и если он потеряет в одном, то может выиграть в другом.

4. 3. Больше всего раздражает людей обложение их более высоким налогом, чем их соседей. На это я отвечаю, что эти подозрения во многих случаях неверны, часто это случайность, которая при следующем обложении может повернуться более благоприятно. Если же это сделано преднамеренно, то все же нельзя предполагать, чтобы это было намерением государя; скорее это является результатом действий временного распределения податей, который, возможно, будет в свою очередь наказан при ближайшем распределении налога тем самым лицом, которое он обидел.

5. 4. Люди приходят в негодование при мысли, что собранные деньги будут растрочены на увеселения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т.п. На это я отвечаю, что такая трата означает возвращение этих денег промысловым людям, занятым в производстве этих вещей. Промыслы эти хотя и кажутся бесполезными и создающими только украшения, однако работники их немедленно же передают полученные деньги людям, занятым в наиболее полезных промыслах, а именно: пивоварам, булочникам, портным, сапожникам и т.д. Кроме того, государь от этих зрелищ и увеселений имеет не больше удовольствия, чем получают 100 тыс. его самых заурядных подданных, которые, несмотря на свое ворчание,

не лентя, как мы видим, пройти много миль, чтобы иметь возможность лицезреть эти осуждаемые и вызывающие неудовольствия бесполезные занятия.

6.5. Люди часто сетуют на то, что король раздает собранные с населения деньги своим фаворитам. На это мы отвечаем: то, что дается фаворитам, может в следующий момент или при ближайшем перемещении попасть в наши собственные руки или в руки тех, которым мы желаем добра и кого мы считаем заслуживающими этого.

7. Во-вторых, подобно тому как данный человек является фаворитом сегодня, так другой или даже мы сами можем стать им завтра. Благосклонность весьма непостоянна и изменчива и не является такой вещью, которая должна возбуждать в нас сильную зависть, ибо та самая дорога, которая ведет к вершине холма, ведет также и к подножью его.

Помимо этого, в законах и обычаях Англии нет ничего, что запрещало бы детям самого простого человека занять самые высокие должности в королевстве и тем более добиваться личной благосклонности своего короля.

8. Все эти фантазии, которым подвержены вульгарные умы, вызывают нежелание платить, а это заставляет государя применять суровые меры. Когда же эти меры падут на какого-нибудь бедняка, хотя и упрямого и упорного неплательщика, обремененного женой и детьми, то это дает легковерным людям удобный повод жаловаться на притеснения, сеет семена раздражения во всех других делах и раздувает недовольство, которое уже имеется.

9.6. Незнание количества населения, промыслов и Богатств народа является часто причиной того, что население терпит излишние беспокойства, подвергаясь двойному обложению и неудобствам двух или многих налогов там, где можно было бы обойтись одним. Примеры этого наблюдались при взимании недавнего подушного налога. Были допущены крупные ошибки (вследствие незнания положения населения, а именно: незнания числа лиц, относящихся к каждой налоговой группе, отсутствия ясных признаков, на основании которых надо облагать людей, а также смещения имущества с титулами и должностями).

10. Кроме того, не зная Богатства жителей, государь остается в неведении, какую сумму налога они могут вынести, а не зная промыслов населения, он не может судить о том, в какое время года ему лучше всего требовать свою долю.

11. 7. Неясности и сомнения относительно права обложения налогами были причиной крупных и достойных порицания враждебных выступлений со стороны населения и вынужденных строгостей со стороны государя: отличным примером этого была корабельная пошлина — немалая причина двадцатилетних бедствий для всего королевства.

12. 8. Редкое население — подлинный источник бедности. Страна, имеющая 8 млн. жителей, более чем вдвое Богаче страны, где на такой же территории живет только 4 млн. Ведь те же самые правители, которые так дорого обходятся, могут почти так же хорошо обслужить большее, как и меньшее число, жителей.

13. Во-вторых, если число жителей так незначительно, что они могут существовать за счет даров природы или затрачивая лишь небольшое количество труда, как, например, при пастбищном скотоводстве и т.п., у них не развиваются никакие ремесла и искусства. Ибо ни один человек, не желающий упражнять свои руки, не способен перенести мучения ума, вызываемые большими размышлениями.

14. 9. Недостаток денег — другая причина плохого платежа налогов. Ибо если мы учтем, что из всего Богатства нашей страны, т.е. земель, домов, кораблей, товаров, домашней обстановки, драгоценных металлов и денег, монета составляет едва сотую часть и что в настоящее время в Англии имеется, вероятно, не больше 6 млн. ф. ст., что составляет лишь 20 шилл. на душу населения, то можем легко понять, как трудно бывает людям с большим достатком уплатить сразу известную сумму денег. Если же они не сумеют ее уплатить, следуют строгие меры и штрафы, совершенно справедливо налагаемые, хотя и весьма неприятные, ибо более терпимо нанести ущерб отдельному лицу, чем подвергать опасности все общество, хотя, несомненно, отдельному лицу было бы легче потерпеть ущерб вместе со всеми, чем одному.

15. 10. Кажется отчасти затруднительным, что все налоги должны вноситься в виде денег, что жирный скот и хлеб, например, не могут быть приняты в натуре (когда королю надобно снабдить провиантом свои корабли в Портсмуте), фермеры же должны предварительно взять свой хлеб (может быть, на расстояние десяти миль) для продажи и превращения его в деньги; последние же после их уплаты королю снова превращаются в хлеб, который приходится доставлять издалека.

16. Кроме того, фермер из-за спешки вынужден продавать свой хлеб по более низкой цене, а король из-за спешки также вынужден переплачивать за свой провиант, тогда как уплата натурой, *pro hic et nunc* [соответственной натурой и своевременно], сократила бы значительные лишения, которые терпит бедный народ.

17. Ближайшим вопросом, подлежащим обсуждению, является вопрос о последствиях и результатах слишком большого налога не в отношении отдельных людей, о чем мы говорили раньше, а в отношении всего населения в целом. В связи с этим я утверждаю, что существует определенная мера или пропорция денег, необходимых для ведения торговли страны (излишек или недостаток их против этой меры принесет ей вред), подобно тому как в розничной торговле необходимо наличие в известной пропорции фартиггов для размена серебряных денег и для урегулирования таких расчетов, которые не могут быть произведены с помощью даже самой мелкой серебряной монеты. Ибо деньги (сделанные из золота и серебра) будут в отношении (т.е. материи, составляющей нашу пищу и одежду) лишь тем, чем фартигги и Другая, не имеющая внутренней стоимости (*extrinsic*) местная монета — в отношении золотых и серебряных денег.

18. Подобно тому как количество фартиггов, требуемое для торговли, определяется численностью населения, частотой совершаемых им меновых сделок и главным образом стоимостью наименьшей серебряной монеты, так и количество денег, необходимое для нашей торговли, должно аналогично определяться частотой меновых сделок и размером платежей, совершаемых по закону или обычаю иным образом. Отсюда следует, что там, где ведется регистрация земель, на основании которой можно хорошо знать действительную стоимость земельных владений каждого человека, где имеются склады потребительных благ, как то: металлов, сукна, полотна, кожи и других полезных вещей, и где существуют также денежные банки, там для ведения торговли требуется меньше денег. Ибо если все наиболее крупные платежи будут производиться земельными участками, другие же, скажем, вплоть до 10 или до 20 ф. ст., путем кредита в ломбардах или в денежных банках, то отсюда следует, что там деньги необходимы лишь для уплаты сумм, меньше вышеуказанных; подобно тому как для размена требуется меньшее количество фартиггов там, где имеется много серебряных двухпенсовиков, чем там, где самой мелкой серебряной монетой является шестипенсовик.

19. На основании всего сказанного я утверждаю, что если в стране имеется слишком много денег, то для нее, равно как и для короля, было бы выгодно и не принесло бы вреда и частным лицам, если бы весь излишек находился в королевских сундуках. Это означало бы то же самое, как если бы людям позволили уплачивать причитающиеся с них налоги любой вещью, без которой им легче всего обойтись.

20. С другой стороны, если бы размеры государственных изъятий были таковы, что денег остается меньше, чем необходимо для ведения национальной торговли, то вредные последствия этого выразились бы в сокращении производимой работы, что означало бы то же, что и сокращение числа жителей или их творчества и усердия. Ибо 100 ф. ст., пройдя через 100 рук в виде их заработной платы, дают толчок производству товаров на 10 тыс. ф. ст.; эти же руки оставались бы праздными и бесполезными, если бы не было этого постоянного стимула к их использованию.

21. Если налоги фактически расходуются на наши собственные отечественные товары, они, как мне кажется, мало причиняют вреда населению в целом, — они лишь производят изменения в Богатстве и состояниях отдельных людей; в частности они переносят их от землевладельцев и лентяев к знающим и деятельным людям. Если, например, дворянин

сдал свою землю в аренду за 100 ф. ст. в год на несколько лет или несколько поколений и будет обложен налогом, идущим на содержание флота, в размере 20 ф. ст. в год, то результатом этого будет то, что 20 ф. ст. этого дворянина будут ежегодно распределяться между моряками, корабельными плотниками и другими промыслами, относящимися к морскому делу. Но если дворянин сохраняет землю в своих собственных руках, он, будучи обложен в размере одной пятой своего дохода, повысит приблизительно в той же пропорции арендную плату, получаемую со своих арендаторов, или будет продавать свой скот, зерно и шерсть на одну пятую дороже; то же сделают и все прочие зависящие от него лица и тем вернут в некоторой степени то что он уплатил. Наконец, если бы все взысканные в виде налога деньги выбросить в море, то конечным результатом этого было бы лишь то, что каждому пришлось бы работать на одну пятую больше или сократить на одну пятую свое потребление: первое — в том случае, если иностранная торговля способна к развитию, последнее — если этого нельзя ожидать.

22. Последнее, по моему мнению, было бы наихудшим налогом даже в хорошо управляемом государстве, но есть и такие государства, в которых не принимаются какие-нибудь предупредительные меры против нищенства и воровства, и они являются источником обеспеченного существования для лиц, нуждающихся в работе; там, признаюсь я, чрезмерный налог вызывает чрезмерную и невыносимую нужду даже в предметах, служащих для удовлетворения естественных потребностей, и притом с такой внезапностью, что отдельные невежественные лица не смогут изыскать средства, чтобы поддержать свое существование; а это, согласно закону природы, должно незамедлительно вызвать действия, направленные к облегчению своего положения, т.е. грабежи, мошенничества. Это же в свою очередь должно, в соответствии с существующими законами, повлечь за собой казни, калечения и тюремные заключения, которые являются злом и наказанием как для государства, так и для частных лиц, страдающих от них.

Глава IV "О разных способах взимания налогов, в первую очередь путем выделения из всей территории соответственной части для государственных надобностей в виде коронных земель, во-вторых же, путем обложения, или поземельного налога."

Предположим, что различные виды государственных расходов снижены как только можно и что жители полностью удовлетворены и согласны платить свою справедливую долю того, что необходимо для управления ими и защиты их, а также для поддержания достоинства их государя и страны. Нам надлежит теперь показать различные пути и способы, посредством которых эти налоги можно наиболее легко, быстро и безболезненно собрать. Это я сделаю, выявляя преимущества и недостатки некоторых основных способов обложения населения, применяемых за последние годы в разных государствах Европы. Среди них я коснусь и других, менее важных и реже применяющихся способов.

2. Представим себе, что известное число людей, живущих на определенной территории, установили путем подсчета, что для покрытия государственных расходов требуется 2 млн. ф. ст. в год. Или же, подойдя к делу еще мудрее, они вычислили, что двадцать пятая часть

дохода всей их земли и труда должна составлять Exicisin или ту часть, которую надо выделить и использовать для покрытия государственных потребностей. Эта доля соответствует, вероятно, довольно близко тому, что мы имеем в условиях Англии; но об этом после.

3. Теперь вопрос в том, как взимать эту долю, исчисленную тем или другим путем. Первый путь, который мы предлагаем, заключается в том, чтобы выделить самую землю в натуре, т.е. выделить из всех 25 млн. акров, имеющихся, как говорят, в Англии и Уэльсе, столько земли in specie [в натуре], чтобы максимальная рента с нее достигала 2 млн. ф. ст.; это составит около 4 млн. акров, или около шестой части всей земельной площади. Эти 4 млн. акров следует превратить в коронную землю вроде тех четырех графств [*Эти четыре графства — Дублин, Кильдер, Каряоу и Кори.*] в Ирландии, которые из числа конфискованных земель предполагалось оставить в резерве. Или же выделить в виде налога шестую часть ренты со всех земель, что приблизительно равно той доле, которую лица, ссудившие деньги на подавление восстания, и солдаты в Ирландии вернули обратно королю в виде отступных рент. Из этих двух способов второй явно лучше, ибо он вернее обеспечивает доход короля, который в этом случае и имеет дело с большим числом ответчиков, если только трудности и издержки по сбору этого универсального налога не перевешивают значительно других его преимуществ.

4. Этот способ был бы хорош в новом государстве при условии принятия его, как это имело место в Ирландии, прежде чем люди вообще получили землю во владение. А поэтому кто бы после этого ни покупал земли в Ирландии, отступные ренты, которыми они обременены, так же мало задевают его, как если бы число акров было соответственно меньшим; здесь происходит то же, что с людьми, знающими, что с покупаемой ими земли надо платить десятину. И, действительно, счастлива та страна, в которой по первоначальному соглашению учреждена в качестве резерва такая рента, из которой могут покрываться государственные расходы без непредвиденных и внезапных надбавок, в которых заключается истинная Ratio [причина] тяжести всех сборов и взысканий. Ибо в таких случаях, как было сказано раньше, платит не только собственник земли, но и каждый, кто съест хотя бы одно яйцо или луковицу, полученные с его земли, или кто пользуется услугами какого-либо ремесленника, питающегося от той же земли.

5. Но если бы это мероприятие предложено было провести в Англии, т.е. если бы у каждого земельного собственника удерживалась или урезывалась из ренты некоторая доля, тогда те земельные собственники, чьи ренты установлены и определены на много лет вперед, главным образом и несли бы тяжесть такого обложения, а другие получили бы от этого выгоду. В самом деле, предположив, что А и В имеют каждый по участку земли одинаковых качеств и стоимости, предположим также, что А сдал свой участок в аренду на 21 год за 20 ф. ст. в год, В же свободно может распоряжаться своей землей. И вот вводится налог в размере пятой части ренты; вследствие этого В не сдаст свой участок дешевле, чем за 25 ф. ст., с тем чтобы ему оставались 20 ф. ст., тогда как А должен удовольствоваться 16 ф. ст. чистой ренты. Несмотря на это, лица, арендующие землю у А, будут продавать продукты с арендуемых ими участков по той же цене, что и арендаторы В. Результатом всего этого будет, во-первых, то, что получаемая королем пятая часть арендной платы В будет больше, чем она была раньше; во-вторых, что фермер, арендующий землю у В, будет выручать больше, чем он выручал до введения налога; в-третьих, что лицо, арендующее землю у А, будет выручать столько, сколько арендатор земли у В и король, вместе взятые; в-четвертых, что налог в конце концов ляжет на земельного собственника А и на потребителей. Отсюда следует, что поземельный налог становится неравномерно взимаемым акцизом на потребление, который в большей мере несут те, кто меньше жалуется. И, наконец, что некоторые земельные собственники могут выиграть, и только те, чьи ренты уже определены на будущее время, потеряют, и потеряют при этом вдвойне, а именно: с одной стороны, вследствие неповышения их доходов и, с другой стороны, вследствие повышения цен потребляемой ими провизии.

6. Другим путем является Excisium [вычет] из ренты, приносимой домовладениями, которая гораздо неопределеннее, чем рента с земли. Ибо дом имеет двойственную природу; одно дело, когда он является способом и средством производить затраты, и Другое — когда он является инструментом или орудием для получения дохода. Ведь лавка в Лондоне, имеющая меньшие размеры и обошедшаяся дешевле при постройке, чем пышная столовая, находящаяся в том же доме, тем не менее будет иметь большую стоимость; то же самое применимо и к подвалу или погребу по сравнению с роскошно отделанной комнатой; ведь в одном случае мы имеем дело с расходом, а в другом — с прибылью. Обложение домов поземельным налогом как бы исходит из природы последнего, обложение же их акцизом — из природы первого.

7. Мы могли бы добавить, что дома облагаются иногда неравномерно с целью затруднить строительство¹, особенно на новом фундаменте, и препятствовать этим росту города. Полагают, что такие чрезмерно большие и разросшиеся города, как, например, Лондон, представляют опасность для монархии, хотя такие города являются, наоборот, более безопасными, когда верховная власть находится в руках самих граждан таких городов, как, например, Венеция.

8. Мы все же утверждаем, что такое препятствие новому строительству не имеет с этой точки зрения никакого значения, поскольку строительство не возрастает, пока само население не увеличилось. Защиту же от вышеуказанных опасностей следует искать в причинах роста населения, и если удастся их устранить, то и остальная задача будет тем самым выполнена.

Но к чему тогда сводится действительный результат запрещения строить на новых фундаментах? Я отвечаю: к сохранению и закреплению города на старом местоположении и территории, с которых поощрение нового строительства сдвинуло бы его, как это имеет место почти во всех больших городах, хотя и незаметно в результате многолетнего развития.

9. Причина этого явления заключается в том, что люди неохотно строят новые дома за счет сноса принадлежащих им старых, поскольку сам старый дом, а также и участок, на котором он стоит, значительно удорожают постройки нового дома и в то же время дают гораздо меньше свободы и удобств. Поэтому люди строят на новых, свободных участках, а на старые дома кладут заплатки до тех пор, пока они не станут совершенно непригодными для жилья и не превратятся либо в обиталище всякого сброда, либо с течением времени снова в пустыри и огороды, примеры чего наблюдаются в большом количестве даже около Лондона. *[В 1656 г. был издан акт, не допускающий быстрого роста строительства домов в Лондоне и его предместьях.]*

Если же большие города имеют, естественно, свойство изменять свое местоположение, то возникает вопрос: в каком направлении? Я утверждаю, что если речь идет о Лондоне, то он должен перемещаться в западном направлении, ибо, поскольку здесь на протяжении почти трех четвертей года ветры дуют с запада, строения, расположенные на западных участках, значительно меньше страдают от копоти, пара и зловоний, выделяемых всем скопищем домов восточной его части, а это имеет большое значение там, где сжигается каменный уголь. *[Некто Эвелан предлагал, чтобы все предприятия, пользующиеся каменным углем (в подлиннике "морским углем"), были перенесены на 6 или 7 миль ниже Лондона по течению Темзы для того, чтобы "не загрязнять столицу его величества", а также для того, чтобы западные ветры, дующие в течение 9 месяцев в год, "не затемняли и не делали неясным один из величественнейших и великолепнейших видов мира".]* Отсюда следует, что дворцы вельмож будут передвигаться к западу; естественно, что вслед за ними потянутся жилища других лиц, зависящих от них. Это мы наблюдаем в Лондоне, где старые дома знати превратились сейчас в помещения для торговых компаний или сдаются внаем жильцам, а все дворцы переместились к западу. Это происходит так явственно, что через 500 лет — в этом не может быть никакого сомнения — королевский дворец очутится вблизи Чельси, а старое уайтхоллское строение будет использоваться в целях, более

соответствующих его качествам. Ибо построить новый королевский дворец на старом месте будет очень стеснительно, принимая во внимание парки и другие великолепные здания; помимо того, это было бы связано с большими неудобствами во время производства работ. Мне же представляется, что будущий дворец будет скорее построен на таком же расстоянии от всего теперешнего скопища домов, на каком весь Вестминстерский дворец находился от Лондона в те времена, когда лучники натягивали свои луки непосредственно за луджгэтскими воротами и когда пространство между Темзой, Флитстритом и Холборном напоминало теперешние Финсберийские поля.

10. Я готов признать, что это отступление не имеет никакого отношения к проблеме налогов и само по себе почти бесполезно. Ибо к чему нам беспокоиться о том, что будет через 500 лет, если мы не знаем, что может принести нам следующий день; ведь нет ничего невероятного в том, что еще до истечения этого срока мы все, возможно, переселимся в Америку, а эти страны подвергнутся нашествию турок и превратятся в пустыню, подобно теперешнему состоянию тех местностей, которые входили в состав знаменитых восточных империй.

11. Однако я считаю несомненным, что, до тех пор пока в Англии есть люди, наибольшее скопление населения будет около того места, где сейчас находится Лондон, так как Темза является наиболее удобной рекой на этом острове, а место, где расположен Лондон, — наиболее удобная часть Темзы. Средства, облегчающие перевозку товаров, настолько способствуют росту города, что это должно побудить нас использовать наших незанятых людей для исправления дорог, постройки мостов, плотин и превращения рек в судоходные. Эти соображения возвращают меня снова к ходу моих размышлений о налогах, от которых я отклонился.

12. Но прежде чем распространяться о ренте, мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом (*usury*), так и ренты с земель и домов.

13. Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как этого требует земледелие, свезти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде зернового хлеба обычную ренту.

14. Но здесь возникает дальнейший, хотя и соподчиненный вопрос: какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег, т.е. предположим, что кто-нибудь другой отправляется в страну серебра, добывает там этот металл, очищает его, доставляет его на место производства хлеба первым, чеканит тут из этого серебра монету и т.д. Предположим далее, что этот индивидуум в течение того времени, которое он посвящает добыванию серебра, приобретает также средства, нужные для своего пропитания, одежды и т.д. Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого, если первого имеется, например, 20 унций, а последнего 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля хлеба.

15. Если бы производство серебра требовало большего искусства и было связано с большим риском, чем производство хлеба, то в итоге все свелось бы к тому же. Допустим, что 100 человек производят в течение десяти лет хлеб и то же число людей столько же времени занято производством серебра; тогда чистый остаток добытого серебра представит цену всего чистого сбора хлеба, и равные части первого составят цену равных частей второго, хотя и немногие из тех, что работают над добычей серебра, изучили искусство его очистки

и чеканки и избежали опасностей и несчастий, связанных с работой в рудниках. Этим же способом можно определить правильное соотношение между стоимостями золота и серебра, которое часто устанавливается только на основании народного заблуждения, порой более, порой менее распространенного на свете [*Так как, несмотря на королевский указ, запрещающий вывоз золота, последний все же имел место, было издано два новых указа (1661 г.): повышающий достоинство золотых монет и запрещающий золотить кареты.*].

Это заблуждение является, кстати сказать, причиной того, что раньше мы были наводнены излишним количеством золота, а теперь страдаем от недостатка его.

16. Я утверждаю, что именно в этом состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (superstructure) очень разнообразна и сложна. Но об этом пойдет речь в дальнейшем.

17. Мир измеряет вещи при помощи золота и серебра, главным же образом при помощи последнего, ибо не могут существовать два мерила, и, следовательно, лучшее из многих должно стать единственным из всех. Таким мерилом и является чистое серебро определенного веса. Но, как мне известно из различных сообщений наших опытейших специалистов пробирного дела, установить вес и чистоту серебра трудно. Если даже взять серебро, признанное имеющим одинаковый вес и чистоту, оно повышается и понижается в своей цене; в одном месте оно имеет большую стоимость, чем в другом, не оттого только, что оно находится на большом расстоянии от рудников, но и по другим причинам; оно может иметь большую стоимость в настоящее время, чем месяц или иной небольшой период времени тому назад. Поскольку отношение серебра к различным оцениваемым с его помощью вещам меняется в разные эпохи, в зависимости от увеличения или уменьшения стоимости последних, мы, не умаляя большой пользы золота и серебра, применяемых в качестве стандарта и мерила, попытаемся исследовать некоторые другие естественные стандарты и мерила.

18. Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия; таковы в Англии фунт, шиллинг, пенс, и каждая из них может быть выражена как сумма или часть какой-нибудь другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и труду; т.е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль, и сюртук - произведены землей и человеческим трудом. А раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенса к фунту. Теперь мы были бы очень довольны, если бы могли определить естественную стоимость свободной продажной земли, хотя бы и не лучше, чем мы определили вышеупомянутый *usus fructus* [доход арендуемого владения]. Попытаемся сделать это следующим образом.

19. После того как найдена рента или стоимость *usus fructus* за год, возникает вопрос, какой сумме годовых рент естественно равноценна свободная земля? Если мы скажем — бесконечному числу, то стоимость одного акра земли будет равна стоимости тысячи акров такой же почвы, что нелепо: бесконечность единиц равна бесконечности тысяч. Следовательно, мы должны принять более ограниченное число лет, и я думаю, что это такое их число, которое могут рассчитывать прожить одновременно живущие: человек пятидесяти лет, другой — двадцати восьми и ребенок семи лет, т.е. дед, отец и сын. Немногие имеют основание заботиться о более отдаленном потомстве: когда человек становится прадедом, он совсем близок к концу своей жизни. Почти всегда одновременно живут только три члена непрерывного ряда нисходящих потомков; и если некоторые становятся дедами в сорок лет, то зато другие только в возрасте свыше шестидесяти; сказанное имеет силу и в других соответственных случаях.

20. Поэтому я принимаю, что сумма годовых рент, составляющая стоимость данного участка земли, равна естественной продолжительности жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной двадцати одному году. Поэтому и стоимость земли равна приблизительно такой же сумме годовых рент. Возможно, если бы они думали, что ошиблись в одном числе (как полагает автор "Замечаний о бюллетенях смертности"), то они изменили бы и второе, если бы им не помешали соображение о силе народных заблуждений и зависимость от вещей, скрепленных уже взаимной связью.

21. Таким, я полагаю, будет число годовых рент там, где права собственности прочны и где имеется моральная уверенность в возможности пользования купленной недвижимостью. Но в других странах стоимость земли приближается больше к 30 годовым рентам вследствие более надежных прав на землю, большей густоты населения и, может быть, более верного представления о стоимости и продолжительности трех жизней.

22. А в некоторых местах земля стоит еще большего числа годовых рент в силу какого-либо особого почета, удовольствий, привилегий или судебных прав, связанных с нею.

23. С другой стороны, земли (как, например, в Ирландии) стоят меньшего количества годовых рент по следующим приводимым мною ниже причинам, причем подобная же дешевизна земли в других странах может быть объяснена действием подобных же причин. Во-первых, в Ирландии из-за частых мятежей (если вы побеждены, вы теряете все, а если победили, вы все же становитесь добычей воровских и разбойничьих шаек) и из-за зависти, питаемой более ранними переселенцами из Англии к прибывшим позднее, сама вечность оценивается не более чем в 40 лет, так как в течение такого периода почти всегда, начиная с момента первого прибытия англичан сюда, имели место те или другие серьезные волнения.

24.2. Вследствие многочисленных взаимных претензий, предъявляемых каждым по отношению к владениям другого, и легкости, с какой удовлетворяется любое притязание, благодаря благосклонности того или иного из большого количества правителей и министров, могущих находиться здесь у власти в течение сорокалетнего периода, а также вследствие частых случаев ложных показаний и злоупотреблений присягой.

25. 3. Вследствие малочисленности населения, поскольку его здесь не больше пятой части того, что могла бы прокормить эта территория, и из них лишь немногие работают вообще и еще меньшая часть работает столько, сколько работают в других странах.

26. 4. Вследствие того, что значительная часть поместий, как недвижимого их имущества, так и движимого, принадлежит в Ирландии лицам, не проживающим на месте, и таким, которые увозят полученные в Ирландии доходы, ничем не возмещая их. Таким образом, получается тот парадокс, что Ирландия, экспортируя больше, чем она импортирует, тем не менее все больше беднеет.

27. 5. Вследствие трудности добиться правосудия, поскольку столь многие из тех, что находятся у власти, сами защищены занимаемыми ими должностями и защищают других. Кроме того, так как число преступных и задолжавших лиц велико, то они помогают себе подобным заполнять места судей, государственных чиновников и какие могут другие должности. Помимо того, страна редко настолько богата, чтобы иметь возможность соответственно поощрять знающих и серьезно относящихся к делу судей и юристов, а это приводит к тому, что приговоры и постановления выносятся в зависимости от весьма случайных обстоятельств, ибо невежественные люди более склонны к необдуманным и произвольным решениям, чем люди, понимающие опасности таких действий. Однако все это может быть исправлено при небольшом усилии в короткий срок, так чтобы в течение нескольких лет уравнивать стоимость земель в Ирландии с их стоимостью в других странах. Но об этом мы скажем подробнее в другом месте, сейчас же займемся процентом.

Глава V "О проценте."

1. Я не вижу оснований к тому, чтобы брать или давать процент или мзду за какую-нибудь вещь, которую мы можем несомненно получить обратно по первому нашему требованию. С другой стороны, я не вижу оснований и к тому, чтобы стыдиться процента в том случае, когда даются в ссуду деньги или другие оцениваемые в деньгах предметы необходимости с обязательством уплаты в тот срок и в том месте, которые изберет должник, так что кредитор не может получить обратно свои деньги, когда и где он того пожелает. Поэтому, если кто ссужает свои деньги на условии, что он не может потребовать их обратно до наступления известного срока, как бы он сам ни нуждался в течение этого времени, он несомненно может получить компенсацию за это неудобство, которое он создает для самого себя. Это возмещение и есть то, что обычно называют процентом.

2. А когда кто-либо снабжает другого деньгами в каком-нибудь отдаленном месте и под угрозой большого штрафа требует, чтобы ему уплатили там же и к тому же в определенный день, то вознаграждение за это есть то, что мы называем вексельным курсом или местным процентом.

Например, если человек нуждался в деньгах в Карлайле в самый разгар последней гражданской войны, когда дороги кишели солдатами и разбойниками, а морской переезд был очень долог, утомителен и опасен и редко кто его совершал, то почему другой человек не мог брать в Лондоне значительно более 100 ф. ст. за гарантирование уплаты такой суммы в определенный день в Карлайле?

3. Здесь возникает следующий вопрос: чему равен естественный уровень процента и вексельного курса? Что же касается процентов, то они по меньшей мере должны быть равны ренте с такого количества земли, которое может быть куплено на те же данные в ссуду деньги при условии полной общественной безопасности. Но там, где это условие под сомнением, обычный естественный процент сплетается с чем-то вроде страховой премии, что может весьма справедливо повысить процент до любого размера в пределах самой одолженной суммы. Поскольку же дела в Англии так обстоят, что здесь фактически не существует того условия, о котором говорилось выше, а все сделки связаны более или менее с риском, тревогой и расходами, то я не вижу никаких оснований к тому, чтобы стремиться ограничить процент при ссудах на срок в большей мере, чем процент при ссудах в определенном месте, которого мировая практика не ограничивает. Это могло бы объясняться разве только лишь тем, что лица, издающие такие законы, были бы больше заемщиками, чем кредиторами. Однако относительно того, как тщетны и безрезультатны положительные гражданские законы, противоречащие законам природы, я высказался в другом месте и показал это на различных примерах.

4. Что касается естественных размеров вексельного курса, то я утверждаю, что в мирное время самый высокий вексельный курс может определяться лишь трудом по перевозке денег in specie [в натуре]. Однако там, где имеются опасности и исключительная потребность в деньгах, большая, чем в других местах, и т.д., или там, где существуют правильные или ложные убеждения в наличии этих явлений, вексельный курс будет регулироваться ими.

5. Нечто похожее на это представляет один момент, который мы опустили, говоря о цене земли. Как сильный спрос на деньги повышает процент, так сильный спрос на хлеб повышает его цену, а потому и ренту с земли, на которой растет хлеб, и в заключение цену самой земли. Если, например, хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, должен быть подвозим из мест, отстоящих на 40 миль, то хлеб, растущий на расстоянии одной мили от Лондона или от места квартирования этой армии, принесет столько сверх своей естественной цены, сколько составляют издержки перевозки на 39 миль, а если речь идет о скоропортящихся товарах, каковы свежая рыба, фрукты и т.д., то к этому

присоединяется также страхование риска порчи и т.д.; наконец, для того, кто потребляет такие продукты (предположим, в тавернах), набавляются расходы на весь соответствующий аппарат, т.е. домовую ренту, обстановку, обслуживание, а также на оплату искусства и труда повара, изготовляющего эти продукты.

6. Таким образом, поблизости населенных мест, для пропитания населения которых нужны большие районы, земли не только приносят на этом основании более высокую ренту, но и стоят большей суммы годовых рент, чем земли совершенно такого же качества, но находящиеся в более отдаленных местностях; а это объясняется чрезвычайным удовольствием и почетом, получаемыми от владения землей в таком месте, где, по словам Горация, *omne tulit punctum qui miscuit utile dulci* [полезное смешивается с приятным].

7. Закончив наше отступление относительно размеров ренты и стоимости земель и денег, вернемся теперь к нашему второму способу покрытия государственных расходов, который заключается в изъятии части ренты (что обычно называется обложением). Прежде всего необходимо сказать о методе подсчета этих рент, не соответствующем тем сделкам, которые кое-кто заключает друг с другом по своему невежеству, спешке, ложным представлениям или будучи возбужден или пьян. Хотя я признаю, что средний или общий результат всех сделок, заключенных в течение трех лет (или какого-нибудь иного цикла, в течение которого успевают проявиться перемены в сельском хозяйстве), может быть вполне достаточным для этой цели, будучи лишь синтетически подсчитанной суммой, охватывающей все случайные представления. Я попытаюсь установить это путем подробного анализа всех причин.

8. 1. Поэтому я предлагаю провести обследование очертаний, размеров и расположения всех земель в соответствии как с установленными границами приходов, ферм и т.д., так и с естественными разграничениями их морем, реками, грядами скал или горными цепями и т.д.

9. 2. Я предлагаю, чтобы качество каждого участка было описано путем указания продуктов, которые он обычно доставляет, поскольку на некоторых землях отдельные сорта строевого леса, зерно, стручковые овощи или корнеплоды произрастают лучше, чем на других землях, а также путем указания прироста посеянных или посаженных на них продуктов, наблюдавшегося *communibus annis* [в обычные годы], и вместе с тем сравнительного качества этих продуктов, выраженного не в общепринятом мериле — в деньгах, а в отношении друг к другу. Например, если нам дано десять акров земли, я оценил бы их в зависимости от их пригодности для производства сена или зерна; если для сена, то доставят ли эти десять акров больше или меньше сена, чем другие десять акров, и будет ли центнер этого сена составлять больше корма и питать скот лучше, чем такое же количество другого сена. При этом мы не сравниваем его пока что с деньгами, поскольку стоимость сена может быть выражена большей или меньшей суммой их в соответствии с изобилием денег, так сильно изменившимся со времени открытия Вест-Индских островов. Мы примем во внимание количество людей, живущих вблизи этой земли, а также и образ жизни, который они ведут, роскошный или умеренный, и помимо того гражданские, естественно-исторические и религиозные взгляды этих людей. Например, яйца в начале великого поста (из-за того, что их качество и вкус портятся, прежде чем кончится пост) в некоторых странах католического вероисповедания имеют небольшую стоимость, так же как свиное мясо у евреев и ежи, лягушки, улитки, грибы и т.д. для тех, кто боится есть их, считая их ядовитыми или вредными для здоровья, или как коринка и вина, если бы их пришлось уничтожить по постановлению правительства как приносящие большой вред нашей стране.

10. Это я называю описанием или обследованием внутренней стоимости земли; о внешней, или случайной, мы поговорим ниже. Мы сказали, что изменение в количестве денег изменит цены товаров в соответствии с нашим счетом, выраженным в наименованиях и словах (ибо фунты стерлингов, шиллинги и пенсы не являются ничем иным). Например:

Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого; если же благодаря новым, более Богатым копиям он окажется в состоянии так же легко добыть две унции серебра, как прежде одну, то хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как прежде был при цене в 5 шилл. *caeteris paribus* (при прочих равных условиях).

11. Мы нуждаемся поэтому в способе подсчета денег, имеющихся у нас в стране (этим способом я, как мне кажется, владею, и он таков, что не требует ни много времени, ни издержек, ни, что еще более важно, заглядывания в карманы отдельных людей; об этом после). Однако если бы мы и знали, каким количеством золота и серебра мы обладали в Англии 200 лет назад, и могли бы подсчитать его вновь сейчас и если бы мы также знали различие наших денежных наименований тогда, когда 37 шилл. производились из того же количества серебра, из какого выделяются 62 шилл. сейчас, а также различия в лигатуре, в труде, затрачиваемом на чеканку, в средствах, обеспечивающих вес и чистоту, и в уплачиваемых королю пошлинах, если бы даже мы знали размеры заработной платы рабочего тогда и теперь, то все же это не выявило бы различия в богатстве нашей страны даже в одних лишь деньгах. *[В 1449 г. из фунта серебра старого образца (11 унций 18 золотников серебра и 18 золотников сплава) стали чеканить 37 шиллингов 6 пенсов вместо прежних 30 шиллингов, в 1661 г. из того же количества серебра стали чеканить 62 шиллинга.]*

12. Поэтому мы должны присоединить к тому, о чем сказано выше, знание различия в числе жителей и принять, что если все деньги, имеющиеся в стране, разделить поровну между всеми жителями как тогда, так и теперь, то наиболее Богатым будет тот период, в который каждый участник дележа будет иметь возможность нанять больше рабочих. Таким образом, мы нуждаемся в знании количества людей и драгоценных металлов, имеющихся сейчас в нашей стране и имевшихся раньше. Все это, я думаю, можно узнать даже для прошлого времени, но с большею вероятностью для настоящего и будущего времени.

13. Однако будем продолжать. Предположим, что у нас имеются эти данные; в таком случае мы смогли бы установить случайные стоимости наших земель, расположенных возле Лондона, и вот каким образом: мы прежде всего учли бы, какое количество материалов, идущих в пищу и на производство одежды, производилось в обычные годы в графствах Эссекс, Кент, Сэррей, Мидлсекс и Гертфорд, наиболее близко расположенных к Лондону. Вместе с тем мы подсчитали бы потребителей этих продуктов, живущих в этих пяти графствах и в Лондоне. Если мы найдем, что этих потребителей больше, чем их имеется на другом участке земли подобных же размеров или, вернее, на таком количестве другой земли, которое доставляет такое же количество продуктов, тогда мы скажем, что продукты должны быть дороже в этих пяти графствах, чем в других, а в пределах этих графств дешевле или дороже в зависимости от того, требует ли доставка в Лондон больших или меньших издержек.

14. Ибо если эти пять графств уже производили такое количество продуктов, какое при всем старании можно было производить, то недостающее количество должно было бы привозиться издалека, а то, что находилось вблизи, повышалось бы соответственно в цене; или если бы можно было сделать названные графства более плодородными путем приложения большего, чем прежде, количества труда (например, посредством замены плуга лопатой, введением посадки семян взамен сеянца, сортировкой их вместо употребления без разбора, размачиванием их вместо применения без всякой предварительной обработки, удобрением почвы солями вместо гниющей соломы и т.д.), то земельная рента возросла бы тем больше, чем больше увеличившийся доход превзошел бы увеличенный труд.

15. Цена труда должна быть точно установленной (как мы видим, это делается статутами, ограничивающими дневную заработную плату различных рабочих). Необходимо, кстати, заметить, что несоблюдение этих законов и неприспособление их к изменениям времен весьма опасно и мешает всяким попыткам улучшить положение промыслов страны.

16. Далее, пробным камнем для решения вопроса, следует ли применять эти улучшения или нет, является выяснение, не будет ли количество труда, которого потребует доставка этих продуктов даже из таких местностей, где они произрастают как дикие растения или в условиях более легкой культуры, меньше, чем труд, который нужно затратить на самые улучшения.

17. Относительно всего этого нам могут возразить, что эти подсчеты очень трудны, если не невозможны. На это я отвечаю лишь следующее: они действительно трудны, в особенности если никто не побеспокоится о том, чтобы самому их проделать или приказать другим их сделать. Но вместе с тем я скажу, что, пока это не будет сделано, промыслы будут слишком гадательным занятием, чтобы кому-нибудь стоило ломать голову относительно их. Ибо размышлять о том, каким образом улучшить положение торговли нашей страны, было бы столь же разумно, сколь затратить много времени на размышления, как держать кости, как долго встряхивать их, как сильно бросать их и под каким углом они должны упасть на поверхность стола, для того чтобы выиграть, играя неподдельными костями. Между тем в настоящее время отдельные люди зарабатывают за счет своих соседей (а не земли и моря) скорее благодаря случаю, чем благодаря уму, и скорее благодаря ложным представлениям других, чем благодаря своим собственным правильным суждениям. Кредит же повсюду, в особенности в Лондоне, превратился в простую догадку о том, является ли человек кредитоспособным или нет при отсутствии всяких определенных данных о его богатстве или действительном имуществе. А между тем я полагаю, что природа кредита должна ограничиться лишь представлением о том, что способен данный человек добыть при помощи своего искусства и усердия, в то время как способ получения сведений о его имуществе должен стать надежным, а способ заставить его платить свой долг с полным напряжением всех его возможностей должен быть обеспечен добросовестным проведением наших законов.

18. Я мог бы довести здесь свою точку зрения до парадокса и доказать, что если бы можно было данные об имуществе человека всегда читать у него на лбу, то наша торговля сильно выиграла бы от этого, хотя более бедные честолюбивые люди обычно являются более трудолюбивыми. Но об этом в другом месте.

19. Следующее возражение против этого столь точного подсчета рент и стоимости земель и т.д. состоит в том, что государь будет иметь слишком точные сведения об имуществе каждого человека. На это я отвечаю, что если расходы страны будут снижены насколько это только возможно (что очень сильно зависит от действий членов парламента), и если жители будут иметь возможность и желание платить, и если будет признано, что, когда у них нет наличных денег, они могут обойтись кредитом под свои земли и товары и, наконец, поскольку, как мы показали выше, государь будет испытывать сильные неудобства, если он будет брать больше того, что ему нужно, то что за беда, если он будет иметь такие точные сведения? Что же касается доли каждого плательщика, то почему должен кто-либо надеяться или ожидать, что благодаря его хитрости и влиянию ему удастся улучшить свое положение при смутном представлении о состоянии его дел? Или почему он не должен бояться, что, хотя он на этот раз выиграл, в другой раз он может потерять?

Глава VI "О таможенных пошлинах и вольных гаванях."

1. Таможенные пошлины — это сборы или налоги с товаров, вывозимых из владений государя или ввозимых в них. В наших странах они составляют двадцатую часть не тех цен,

которые уплачиваются купцами за соответствующий товар, а других — постоянных ставок, установленных правительством, хотя и в соответствии по большей части с советами заинтересованных лиц.

2. Я не могу хорошо уяснить себе, каковы те естественные основания, в силу которых эти пошлины должны уплачиваться государю как при ввозе, так и при вывозе; имеются, по-видимому, все же некоторые основания уплаты ему за разрешение вывозить определенные продукты, в которых другие страны действительно нуждаются.

3. Я поэтому полагаю, что пошлины являлись вначале вознаграждением, уплачиваемым государю за защиту провоза товаров как в страну, так и из страны от пиратов, и я считал бы это действительно правильным, если бы государь был обязан тратить большие средства с этой целью. Я полагаю, что доля в 5% была установлена на основе подсчета, показывавшего, что до указанных мероприятий купцы обычно теряли больше от нападений пиратов. И, наконец, что пошлины были страхованием от потерь, нанесенных врагами, подобно обычной сейчас страховке от несчастных случаев на море в связи с ветром, погодой и состоянием судна, или всего этого вместе, или подобно встречающемуся в некоторых странах страхованию домов от пожара за уплату некоторой небольшой части, получающейся с их годичной ренты. Но чем бы они ни были, они с давних пор установлены законом и должны быть уплачиваемы до тех пор, пока они не будут отменены. Я разрешаю себе поговорить об их природе и размерах лишь в качестве досужего философа.

4. Размеры пошлин на вывозимые товары могут быть такими, чтобы, учитывая умеренную прибыль экспортера, наши товары, в которых нуждаются иностранцы, доставались этим иностранцам по ценам, несколько меньшим, чем те, за какие они могут получить из какой-нибудь другой страны.

Например, олово является отечественным товаром, господствующим на заграничных рынках, так как нет другого такого же хорошего качества и столь же легко добываемого и экспортируемого.

Теперь предположим, что олово может производиться в Корнуэлле по 4 пенса за фунт и что за него можно получить в ближайшей стране, во Франции, 12 пенсов. Я утверждаю, что эта чрезвычайная прибыль должна рассматриваться как источник королевского дохода или *Tresor Trouve* [как найденное сокровище] и государь должен иметь свою долю в ней. Он может ее получить, наложив на вывозимое олово пошлины такого размера, чтобы, с одной стороны, было обеспечено существование рабочего (но не больше) и достаточная прибыль собственникам земли, а с другой — чтобы цена олова за границей могла оставаться ниже той, по которой олово может быть получено из какой-нибудь другой страны.

5. Такой же налог мог бы быть введен и в отношении олова, потребляемого внутри страны, если только это не было бы так же невозможно сделать, как невозможно для французского короля обложить налогом соль в том самом месте, где она добывается.

6. Однако замечено, что такие высокие пошлины являются причиной того, что люди пытаются обходиться совершенно без этих товаров или освободиться от уплаты за них, если только расходы по контрабандному ввозу их и на подкуп вместе с риском быть пойманными не превышают *communibus vicibus* [вместе взятые] пошлину.

7. Поэтому размеры пошлин этого рода должны быть таковы, чтобы людям было легче, безопаснее и выгоднее выполнять закон, чем нарушать его, за исключением таких случаев, при которых должностные лица могут несомненно добиться выполнения закона. Например, было бы трудно избежать уплаты пошлин с лошадей при погрузке их на корабли в небольшом порту, где вблизи нет никаких бухточек и притом когда можно воспользоваться лишь двумя определенными часами в течение каждого прилива, поскольку лошади не такой товар, который можно замаскировать, спрятать в мешки или бочки или погрузить на корабль без шума и не прибегая к помощи многих людей.

8. Размеры пошлин на импортируемые товары должны быть таковы, чтобы: 1) все предметы, готовые или созревшие для потребления, стали несколько дороже, чем те же предметы, выращенные или произведенные внутри страны, если это возможно *cateris*

paribus [при прочих равных условиях]; 2) все излишества, приводящие к роскоши или греху, могли бы быть обложены таким налогом, который бы заменил направленный против роскоши закон, ограничивающий потребление таких предметов. Но и здесь также необходимо следить за тем, чтобы не было более выгодно ввозить их контрабандным путем, чем платить пошлины.

9. Напротив, в отношении всех, не полностью обработанных и отделанных вещей, как, например, сырые кожи, шерсть, бобровые шкуры, шелк-сырец, хлопок, а также в отношении всех орудий и материалов для промышленности красящих веществ и т.д. необходимо быть осторожным.

10. Если бы уплата этих пошлин могла быть полностью обеспечена, то государи могли бы беспорядочно вводить их один за другим, но так как это оказывается невозможным, то жители платят лишь то, чего им не удастся сэкономить в общем итоге с большей безопасностью, и подчиняются законам лишь постольку, поскольку им не удастся этого избежать.

11. Неудобства взимания налогов путем пошлин сводятся к следующему:

1) Пошлины накладываются на вещи, которые еще не готовы к потреблению, на товары, еще не законченные производством и находящиеся лишь в процессе своего полного завершения, что является, по-видимому, таким же плохим ведением хозяйства, как использование на топливо молодых деревьев вместо засохших и поврежденных.

2) Большое количество чиновников, требующееся для сбора этих пошлин, в особенности в такой стране, в которой имеется много гаваней, а приливы делают возможной погрузку товаров на корабли во всякое время.

3) Большая легкость контрабандного провоза товаров с помощью подкупа, тайного сговора, припрятывания и маскировки товаров и т.д., причем этому не мешают ни присяга таможенных чиновников, ни кары, и в то же время имеются различные способы смягчения и отмены этих кар даже после обнаружения нарушений.

4) Таможенные пошлины на то незначительное количество производимых в Англии товаров, которое обменивается с иностранцами, составляют слишком малую часть расходов населения этого королевства (которые, вероятно, не ниже 50 млн. ф. ст. в год), чтобы ими можно было покрыть обычные расходы. Таким образом, какой-нибудь другой способ обложения должен практиковаться наряду с ними. Между тем каким-нибудь иным образом, если он будет лучше, вся задача может быть выполнена полностью. Поэтому способ таможенных пошлин имеет то неудобство, что требует применения других сборов наряду с ним.

12. В качестве некоторой попытки исправить положение или как ближайший шаг я предлагаю, чтобы вместо уплаты пошлин с погружаемых на корабли товаров каждое прибывающее из-за границы или уходящее туда судно уплачивало бы потонный сбор, который может собираться небольшим количеством людей, поскольку мы имеем дело с фактом, очевидным для всех; а также, чтобы названный сбор составлял лишь такую часть фрахта, какая, будучи вычтена из всего потребления, покрыла бы все государственные расходы. Эта часть, вероятно, равна 4% или близка к этой, величине, т.е. составляет 2 млн. в год из 50.

13. Второе предложение заключается в том, чтобы пошлины были сведены к своего рода страховой премии и были увеличены и так устроены, чтобы король мог взять на себя страхование товаров как от опасностей моря, так и от нападения врага. В результате этих мероприятий вся страна участвовала бы во всяких таких потерях, а в таком случае собственные интересы купца заставляли бы его более охотно подчиняться и платить за все то, что он страховал.

14. Но нам здесь могут возразить, что, хотя таможенный налог и был бы отменен, однако необходимо было бы содержать почти то же самое число чиновников, что и теперь, чтобы препятствовать ввозу и вывозу запрещенных товаров. Поэтому мы здесь выявим сущность таких запрещений при помощи двух или трех крупных примеров.

15. Запрещение вывоза денег, поскольку проведение его в жизнь почти невозможно, не имеет никакого смысла и бесполезно. А опасность его приводит либо к своего рода страховой надбавке, соответствующей риску быть пойманным, либо к повышению расхода на подкуп чиновников, производящих осмотр. Например, если задерживается лишь одна из 50 провозимых сумм или если за потворствование уплачивается обычно 20 шилл. с 50 ф. ст., то товары, купленные на эти деньги, должны продаваться потребителю по меньшей мере на 2% дороже. И если торговля не вынесет этого перерасхода, то деньги не будут вывозиться произвольно. Значение этого запрещения, предполагая, что оно практически возможно, заключается в том, что оно служит как бы законом, направленным против роскоши, и заставляет население в целом не тратить больше, чем оно добывает, ибо если мы не сможем вывозить ни один товар, выросший и произведенный в нашей стране, то запрещение вывоза денег означает *ipso facto* [тем самым] запрещение ввоза в страну чего-нибудь извне. Предположим далее, что обычно мы вывозим достаточно для того, чтобы снабдить себя всеми иностранными товарами, но что в результате некоего необычного снижения продукции нашей земли или труда мы можем экспортировать лишь половину того, что необходимо для получения обычной массы иностранных товаров. В таком случае запрещение вывоза денег действительно выполняет роль закона, направленного против роскоши, не позволяя нам ввезти больше половины того количества иностранных товаров, которое мы потребляли раньше; однако оно оставляет на усмотрение купца выбор тех товаров, которые он не позаботится или воздержится ввезти, и тех, которые он ввезет, между тем как, издавая законы, направленные против роскоши, государство берет эту заботу на себя. Например, предположим, что нам не хватает на 40 тыс. ф. ст. товаров для экспорта, чтобы компенсировать наш импорт, и что, к примеру, необходимо сократить на 40 тыс. ф. ст. импорт кофейных бобов или на ту же сумму импорт испанского вина. В таком случае указанное запрещение вывоза денег сократит ввоз одного из этих товаров или часть одного и часть другого, в зависимости от желания купца. Закон же, направленный против роскоши, решает, поощрять ли нам и допускать торговлю со страной, посылающей нам вино, или со страной, посылающей кофе, и является ли расход на вино наиболее вредным для нашего народа или таковым является расход на кофе и т.д.

16. Польза, на которую ссылаются лица, добивающиеся свободного вывоза денег, состоит единственно в том, что если корабль, увозящий из Англии на 40 тыс. ф. ст. сукна, сможет захватить с собой также и 40 тыс. ф. ст. денег, то купец сможет тверже настаивать на своих условиях и в конце концов будет покупать дешевле и продавать дороже. Однако заметим между прочим, что купец покупает эту власть ценой процентов и выгод, которые бы принесли те деньги, что он возит с собой. Если считать, что эти потери равны 5%, то ему было бы выгоднее продать свои товары на 4% дешевле, чем подкреплять себя деньгами, как было указано. Об этом можно было бы сказать больше, однако мы спешим перейти к важному пункту о шерсти.

17. Голландцы отняли у нас наш суконный промысел благодаря тому, что они научились работать более искусно, трудиться более усиленно и питаться хуже, брать меньшую плату за провоз морем, меньшую страховую премию и меньшие пошлины. Это настолько вывело нас из себя здесь, в Англии, что мы были склонны ввести необычайно жесткие мероприятия по запрещению вывоза шерсти и сукновальной глины, которые, вероятно, принесли бы нам вдвое больше вреда, чем потеря вышеназванного суконного промысла [В 1660 г. был издан акт, запрещающий вывоз шерсти, глины и т.д. В 1666 г. в парламент был внесен билль (законопроект), усиливающий характер этого запрещения, который и имеет в виду Петти. Билль был принят и сделанся актом (законом) некоторое время спустя.]. Поэтому, чтобы вернуть обратно наш разум и наш промысел, мы, прежде чем сможем сказать о том, что нам делать в данном случае, должны принять во внимание:

1) Что мы часто вынуждены покупать хлеб за границей и столь же часто нам приходится жаловаться на обилие незанятых рук в стране и вместе с тем на то, что нам не удастся продать те Шерстяные изделия, которые производятся даже тем небольшим ко- личеством

лиц, которые работают у нас. В таком случае, не лучше ли будет нам сократить наше овцеводство и обратить наши рабочие руки на расширение земледелия? Ибо: 1) когда мясо станет дороже, то рыболовство станет более выгодным, что никогда в ином случае не будет иметь места; 2) наши деньги не будут так сильно утекать на покупку хлеба; 3) в нашем распоряжении не будет такого избытка шерсти; 4) наши незанятые руки найдут занятие в земледелии и рыболовстве, в то время как при пастбищном скотоводстве один человек с помощью собаки обслуживает много тысяч акров земли.

2) Предположим, что мы не нуждаемся в хлебе и что у нас нет незанятых людей, и что в то же время у нас все же имеется гораздо больше шерсти, чем мы можем переработать. В этом случае шерсть несомненно может вывозиться, так как предположено, что работающие люди уже заняты лучшим промыслом.

3) Предположим, что голландцы превосходят нас своим искусством; в таком случае не лучше ли будет для нас перетянуть к нам некоторое число их отборных рабочих или послать туда наиболее способных наших людей, чтобы там изучить их искусство? Если они успеют в этом, то очевидно будет, что это был более естественный путь, чем бесконечные разговоры о сопротивлении природе, задержке ветра и моря и т.д.

4) Если мы можем добиться, чтобы продукты питания были здесь значительно более дешевыми, чем в Голландии, и отменить обременительные, бесполезные и устаревшие налоги и должности, то я полагаю, что даже это было бы лучше, чем уговаривать воду подняться по собственному почину выше своего естественного уровня.

5) Мы должны вообще учесть, что, подобно тому как благоразумные врачи не пичкают чрезмерно своего больного лекарствами, скорее учитывая и сообразуясь с процессами природы, чем противодействуя им своими собственными насильственными действиями, так и в политике и экономике необходимо поступать подобным же образом, ибо *Naturam expellas furca licet usque recurrit* [гони природу в дверь, влетит она в окно].

18. Тем не менее если бы преимущества голландцев в производстве сукна были лишь незначительными и немногочисленными по сравнению с нашими, т.е. если бы их положение было лишь незначительно лучше нашего, то я полагаю, что запрещение вывоза шерсти могло бы в достаточной мере дать нам перевес. Но в какой мере это имеет место, я, не будучи ни купцом, ни государственным человеком, предоставляю решать другим.

19. Что касается запрещения импорта, то я утверждаю, что его не должно быть до тех пор, пока он не превысит значительно наш экспорт. Ибо если считать невыгодным для нас отдавать хорошее необходимое сукно за порождающее дебоширство вино, то все же лучше будет отдавать его за вино или за что-нибудь худшее, чем приостановить его производство. Более того, лучше сжечь продукт труда 1 тыс. людей, чем допустить, чтобы эти люди ничего не делали и вследствие этого теряли свое умение работать. Короче говоря, все, что может быть еще сказано относительно этого, сводится к учению и *Ingenium* [выводу] об издании направленных против роскоши законов и о благоразумном их применении *pro hic et nunc* [в соответствующих условиях].

20. К этому рассуждению о таможенных пошлинах относится и проблема вольных гаваней, которые (в стране, ведущей торговлю только для себя, т.е. продающей свои собственные излишки и ввозящей только то, что ей самой необходимо) не приносят никакой пользы, а скорее вред. Ибо предположим, что в вольную гавань привозится вино, выгружается здесь в склад и тайно продается, бочки же наполняются окрашенной водой и грузятся обратно на судно с тем, чтобы, как только оно отойдет от берега, вылить эту воду за борт. В таком случае обманным путем избегают уплаты пошлины с этого вина, что может быть сделано также и многими другими способами.

21. Нам могут сказать, что хотя мы ведем торговлю только для своих собственных нужд, однако если бы наши порты были свободны, то (поскольку они более удобны, чем порты других стран) они посещались бы более часто, и, следовательно, больше обогащались бы благодаря расходам моряков и пассажиров, найму раб-бочих, складов и т.д., даже при полном отсутствии пошлин с товаров. Тем не менее разумно будет, чтобы за такое

пользование нашими портами уплачивался, как сказано выше, небольшой налог с корабля и притом eo nomine [официально], не ожидая того, чтобы весь наш доход происходил от указанного найма погребов, носильщиков и извозчиков: доходы такого рода мы могли бы получать сверх всего как таковые.

22. Но если бы нам удалось занять место посредников в торговле между другими странами, то в таком случае не было бы оснований взимать налоги, как было сказано выше, с вещей, еще не законченных производством, которые находятся лишь в процессе своего завершения. Что же касается обмана, который мог бы иметь место, как в упомянутом выше случае с вином, то я утверждаю, что наш акциз на потребление перекроет и устранит вред, который может принести такой обман.

> Глава VII "О подушном налоге."

1. Подушный налог — это налог на людей, налагаемый либо просто на всех без исключения, либо в соответствии с некоторыми присвоенными им определенными титулами или признаками отличия, т.е. либо в связи с простым почетом, либо в связи с некоторыми должностями, которых добиваются или которые несут по назначению, либо в соответствии с занятием некоторыми промыслами и профессиями, независимо от того, приносят ли эти титулы, должности или профессии Богатство или бедность, доход или расход, барыш или убыток.

2. Подушный налог, взимавшийся в последнее время, был чрезвычайно запутан. Некоторые Богатые лица платили налог по самым низким ставкам, некоторые кавалеры (Knights), хотя и нуждавшиеся в самом необходимом, должны были платить по 20 ф. ст. Этот налог поощрял некоторых тщеславных людей платить по ставке эсквайров, для того чтобы их называли эсквайрами в расписках; он заставлял некоторых людей уплачивать 10 ф. ст. в качестве докторов медицины или юридических наук, хотя они не имели никакого дохода от своей профессии и не заботились о практике; он заставлял некоторых бедных купцов, вынужденных носить форменную одежду своей корпорации, платить больше, чем они были в состоянии; наконец, некоторые лица должны были платить в соответствии со своим имуществом, которое оценивалось теми, кто не имел о нем никакого представления, что давало возможность некоторым банкротам добиться в глазах людей кредитоспособности, соответствовавшей тому имуществу, по которому лица, накладывавшие налог, обложили их по сговору с ними [*Сложная система взимания подушного налога, которую Петти подвергает здесь критике, была введена в конце 1660 г. Вместо 400 тыс. ф. ст., которые этот налог должен был дать в течение 12 дней на содержание армии, было собрано лишь 252 167 ф.*ст. Два других билля, внесенных тогда в парламент с целью собрать больше, не были проведены ввиду роспуска парламента.*].

3. Благодаря этому беспорядку, произволу, неправильностям и неразберихе в квалификациях нет никакой возможности судить о том, в какой степени данный пластырь подходит к ране, нет возможности контроля или проверки, в какой мере соответствующие получения были правильно заприходованы, и т.д.

4. Поэтому, полностью отвергая этот запутанный способ обложения, я буду говорить о, подушном налоге, организованном с большей определенностью, и в первую очередь о простом подушном налоге, накладываемом на каждого человека в одинаковых размерах. При этом приход уплачивает за тех, кто живет подаянием, родители — за своих малолетних детей и хозяева — за своих учеников и других лиц, не получающих заработной платы.

5. Недостаток этого метода состоит в том, что налог при этом весьма неравномерен: лица, имеющие неодинаковые средства, платят все одинаково, и те, которым приходится нести

наибольшие расходы на детей, платят больше всего, т.е. чем они беднее, тем сильнее облагаются.

6. Преимущества этого метода заключаются, во-первых, в том, что налог может быть собран очень быстро и с небольшими издержками; во-вторых, поскольку число жителей всегда известно, имеется возможность достаточно точно подсчитать, в какую сумму он выльется; в-третьих, он, по-видимому, будет прищипоривать всех людей к тому, чтобы они заставляли своих детей заняться каким-нибудь выгодным занятием, едва только они вырастут настолько, чтобы иметь возможность это делать так, чтобы каждый ребенок уплачивал приходившийся с него подушный налог из дохода от этого занятия.

7. Следующий способ взимания подушного налога состоит в обложении им каждого человека, но различая плательщиков по их чисто почетным титулам, независимо от какой бы то ни было должности или профессии, как то: герцогов, маркизов, графов, виконтов, баронов, баронетов, кавалеров, эсквайров, т.е. старших сыновей кавалеров *in perpetuum* [из поколения в поколение], и джентльменов, если кто-либо себя таковым именует. Этот способ ведет к гораздо большей равномерности, чем предыдущий, поскольку титулованные лица по большей части в соответствующей степени Богаты. Если же это не имеет места, то все же эти титулованные таким образом лица могут добиться преимуществ или должности даже в том случае, если они не покупают или не могут купить их у простых лиц и заплатить за них. Я при этом придерживаюсь того мнения, что обладание титулом дает своему владельцу возможность сэкономить такую сумму, которая соответствует вызываемому этим титулом излишку уплачиваемого подушного налога над уровнем его, уплачиваемым простыми лицами.

8. Кроме того, если будут вестись точные и разнообразные подсчеты числа жителей, то этот налог можно также собирать легко, быстро и дешево. А поскольку имеется возможность предварительного подсчета его размеров, то его можно также приспособить к потребностям государя и взимать в соответствии с этими потребностями.

9. Что касается должностей, то они действительно по большей части являются почетными, но этот почет оплачивается беспокойством, которое они доставляют лицам, занимающим их. Например, быть старейшиной города (Alderman), предположим в Лондоне, является действительно почетным, однако многие уплачивают 500 ф. ст. за разрешение отказаться от занятия этой должности.

Тем не менее может оказаться целесообразным облагать должности, к занятию которых люди стремятся или которые они принимают, хотя и могли бы отказаться от них. С другой стороны, ни одного Titulado [При производстве переписи 1659 г. в Ирландии, кроме чисел, заносились также и имена главнейшего или главнейших владельцев городских земель, обозначаемых англо-испанским словом *Titulados*.] не следует вынуждать платить подушный налог в соответствии с его титулом, если он согласен сложить титул и никогда не принимать его вновь.

10. Титулы, соответствующие занятию или профессии, не должны бы служить базой взимания подушного налога, потому что они не обязательно означают возможность платить или вероятность этой возможности и в то же время заключают в себе большие неравенства. Если же кто-либо благодаря своему праву заниматься определенным занятием зарабатывает много, то можно предположить, что он соответственно будет и расходовать. В таком случае наш способ обложения акцизом несомненно уловит его в свои сети, как он это делает и в отношении упомянутых выше должностных лиц.

11. Печной налог кажется подушным налогом, но в действительности это не так, ибо он скорее является особым видом собирательного акциза. Но об этом ниже.

Глава VIII "О лотереях."

1. Лица, получающие титулы, могут предвидеть, что они на основании их будут обложены налогом, как сказано выше (хотя, поскольку одна парламентская палата целиком, а другая большей своей частью состоят из титулованных лиц, такой налог вряд ли будет введен), и поэтому они как бы соглашаются на налог, накладываемый на них лично.
2. При лотерее люди, как правило, также облагают себя налогом, хотя и надеясь получить специальную выгоду. Лотерея поэтому есть, собственно говоря, налог на несчастливых самонадеянных глупцов, людей, верящих в свое счастье или поверивших разным предсказателям, обещавшим им, что они будут иметь большой успех приблизительно во время и в месте розыгрыша лотереи, лежащем, возможно, к юго-западу от того места, где предсказывалась судьба.
3. Однако поскольку мир изобилует такого рода дураками, то неудобно, чтобы всякий, кто захочет, обманывал бы всякого, кто захочет быть обманутым; напротив, правильно будет, если государь возьмет под свою опеку этих дураков, как это имеет место с лунатиками или идиотами, или если какой-либо фаворит испросит разрешение государя на использование в своих выгодах этой людской глупости.
4. Поэтому лотерея не должна допускаться, если власти не установят долю, в какой люди будут платить за свои ошибки, и не позаботятся о том, чтобы людей не обманывали так сильно и часто, как они сами это допускают.
5. Способ лотереи употребляется лишь для сбора небольших сумм и скорее для приватно-общественных нужд (чем на содержание армий или экипировку флота), как, например, на постройку водопроводов, мостов и, возможно, дорог и т.д. Поэтому в данном случае мы ничего о них больше не скажем.

Глава IX "О добровольных взносах."

Взимание денег путем добровольных взносов как будто не предполагает никакого принуждения в отношении кого бы то ни было и как будто ни у кого не берет больше того, без чего, как он сам знает, он может обойтись; тем не менее это не совсем так. Ибо одно то, что на тебя косо посмотрит государь или вельможа, часто влияет так же тяжело, как опись имущества при обложении или субсидии. А опасность того, что низкие льстецы и информаторы оговорят тебя в несочувствии к тому делу, для которого собираются взносы, настолько велика, что превышает возможный вред, который может принести уплата какой-либо суммы, соответствующей пропорционально взносам всех других людей (что, как я сказал, не означает обеднения).

Преимущества этого способа сбора заключаются в том, что, поскольку (как это было при последних распрях с шотландцами в 1638 и 1639 гг., когда дело касалось больше всего церковных сановников) причина расхода часто затрагивает одних людей больше, чем других, обложение не должно падать на всех в интересах одной части. Иногда имеет место, что одна группа людей получила большие и более недавние милости, чем другая; так, при реставрации его величества в 1660 г. получили те, кто добивался издания акта о вознаграждении. А иногда очевидно, что некоторые люди имели возможность получить больший доход и большие выгоды, чем другие, как это несомненно имело место с духовенством после Указанной реставрации его величества. Во всех этих случаях может

быть предложен сбор добровольных взносов, хотя они никогда не обходятся без присущих им неудобств, которые заключаются главным образом в следующем:

1. Вышеупомянутый кривой взгляд и неудовольствие, имеющие место в тех случаях, когда кто-либо внес меньше, чем, по мнению завистливых наблюдателей, он должен был бы внести.
2. Добровольные взносы могут во многих случаях разделить страну на партии или по меньшей мере слишком ясно показать силу отдельных партий тем лицам, которые не должны знать ее, и в то же время такие взносы могут (наоборот, согласно умыслу) дать о них неправильное представление и обмануть ожидания правителей, которые пошли на такую хитрость, имея в виду выяснить положение.
3. Некоторые люди могут иметь особые причины делать большие взносы, например довольство милостями какого-либо вельможи, поддерживающего это мероприятие, и надежда на вознаграждение с его стороны, и в то же время это мероприятие может приносить вред другим лицам.
4. Разоряющиеся люди (которые тем не менее любят вести широкий и блестящий образ жизни и которые благодаря своему гостеприимству, оплачиваемому в действительности другими лицами, приобретают себе друзей, могущих укрыть их даже от правосудия) нередко увлекают при организации таких добровольных взносов своим сумасбродным примером других людей, добывших то, что у них есть, тяжелым трудом. Первые не заботятся о том, что они уплачивают, ибо это расширяет их кредит и помогает им занимать больше, и, таким образом, вся тяжесть добровольных взносов банкротов падает в конечном итоге на бережливых патриотов, от которых зависит все общественное благополучие.

Глава X "О наказаниях."

1. Обычными наказаниями, помимо денежных штрафов, являются смерть, увечье, тюремное заключение, публичное бесчестие, причинение преходящей физической боли и больших мучений. На денежных штрафах мы будем больше всего настаивать, касаясь остальных лишь для того, чтобы рассмотреть, нельзя ли их заменить штрафами.
2. Существуют некоторые определенные преступления, за которые по установленным Богом законам полагается смерть; эти преступления и должны наказываться смертью, если только мы не станем на ту точку зрения, что это были лишь светские законы, хотя они и были даны самим Богом. Этой точки зрения, несомненно, придерживается большинство современных государств, поскольку они не наказывают прелюбодеяние и т.д. смертью и в то же время наказывают небольшие кражи смертью, а не многократной компенсацией.
3. По этому поводу мы осмеливаемся высказать следующие соображения: не заключается ли смысл осуждения на простую смерть в наказании неисправимых преступников, совершивших крупные проступки?
4. Смысл же публичной казни, сопровождающейся пытками, в том, чтобы отпугивать людей от измены, приводящей к смерти и бедствиям многие тысячи невинных и приносящих пользу людей?
5. Смысл тайно производимой казни состоит в наказании за тайные и незнакомые людям грехи, с которыми могли бы ознакомиться все, если бы казнь производилась публично. Или же в том, чтобы вовремя задушить всякие опасные нововведения в религии, которые могли бы сильно распространиться и получить поддержку при виде терпеливого страдания худших из людей.

6. Увечья, например ушей, носа и т.д., применяются для причинения постоянного бесчестия, подобно тому как стояние у позорного столба служит для причинения бесчестия временного и преходящего. Кстати сказать, это наказание и другие подобные ему приводят к тому, что некоторые исправимые преступники превращаются в безнадежных и неизлечимых.

7. Увечье, заключающееся в лишении человека частей тела, как, например, пальцев, применяется для того, чтобы лишить возможности дальнейших преступлений тех, кто злоупотребил своей ловкостью в них, учиня карманные кражи, поддельвая печати и подписи и т.д. Лишение других частей тела может служить наказанием и для предупреждения прелюбодеяний, изнасилований, кровосмешения и т.д. А причинение небольших физических болей служит для наказания тех, кто не может платить никаких денежных штрафов.

8. Тюремное заключение служит, по-видимому, для наказания не виновных, а скорее подозреваемых в чем-либо людей и таких людей, которые своим поведением дают властям повод думать, что они или совершили какие-либо небольшие преступления, как, например, воровство и т.д., или что они могут совершить более крупные, как, например, измену и бунт. Но в этом случае, когда тюремное заключение служит не для задержания людей до суда, но является выполнением приговора, вынесенного судом, я считаю, что есть смысл применять его лишь для того, чтобы не дать возможности общаться с людьми тем, чьи разговоры прельщают и чье поведение заразительно, но относительно которых остаются тем не менее некоторые надежды, что они в будущем исправятся или смогут быть полезны для какой-нибудь цели, которая в настоящее время еще не обнаруживается.

9. Что касается присуждения к вечному тюремному заключению, то это, по-видимому, то же самое, что и сама смерть, которая должна быть осуществлена самой природой с помощью таких болезней, которые являются обычно результатом жизни в тесном помещении, горя, одиночества и воспоминаний о потерянных лучших условиях. Люди, присужденные к вечному заключению, живут недолго, хотя умирание их и длится долго.

10. Здесь мы должны, исходя из нашего убеждения, что "труд есть отец и активный принцип Богатства, а земля его мать", напомнить, что государство, увеча и подвергая тюремному заключению своих подданных, тем самым наказывает само себя. Поэтому необходимо (поскольку это возможно) избегать накладывать такие наказания и заменять их денежными штрафами, которые увеличат труд и общественное Богатство.

11. А раз это так, то не будет ли лучше заставить имущего человека, признанного виновным в убийстве, уплатить часть своего имущества, чем выжигать клеймо на его руке?

12. Почему бы лучше не наказывать несостоятельных воров отдачей в рабство, а не смертью? Если они будут рабами, их можно заставить трудиться так много и потреблять так мало, как только допускает природа, и благодаря этому мы будем иметь как бы увеличение общества на двух человек вместо сокращения на одного. Ибо если Англия недостаточно населена (предположим, наполовину), то я утверждаю, что ближайшей мерой вслед за ввозом в страну такого же количества людей, какое имеется в настоящее время, является принуждение тех, которые имеются в наличности, к выполнению вдвое большей работы, чем они выполняют сейчас, т.е. превращение некоторых из них в рабов. Но на этом я остановлюсь в другом месте.

13. И почему бы лучше не наказывать состоятельных воров и мошенников многократными возмещениями вместо смерти, позорного столба, кнута и т.д.? Однако возникает вопрос: возмещением во сколько раз большей суммы необходимо наказывать, например, карманную кражу? Я полагаю, что хорошо было бы для ответа на этот вопрос выяснить у некоторых опытных знатоков этого дела, как часто в среднем они попадают во время этого занятия. Если лишь один раз из десяти случаев, то возмещение даже семикратной суммы дало бы хорошую прибыль, а возмещение десятикратной суммы было бы лишь простой компенсацией; поэтому возмещение двадцатикратной суммы, составляя возмещение в удвоенном размере, т.е. вдвое больше того, что допускает риск», будет,

конечно, правильно установленным отношением возмещения к потерям и правильной мерой наказания.

14. И несомненно, что возмещение в удвоенном, утроенном, четырехкратном и семикратном размерах, упоминаемое в законе Моисеевом, должно пониматься именно таким образом, ибо иначе воровство могло бы сделаться весьма выгодной и законной профессией.

15. Следующее, что необходимо разрешить, — это сколько частей из многократных возмещений должны отдаваться потерпевшему. На это я отвечаю, что он никогда не должен получать больше одной части и даже еще меньше, чтобы приучить его к большей осторожности и самосохранению; три части должны отдаваться тому, кто открыл вора, а остальное должно пойти на общественные нужды.

16. В-третьих, при прелюбодеянии большая часть наказаний, не состоящих в уплате денежного штрафа и не заменяемых им, заключается лишь в позоре, да притом даже и это лишь в отношении немногих лиц. Этот позор ожесточает потом навсегда виновного, какое бы впечатление он ни производил на тех, чья репутация еще не запятнана. На все это мало обращают внимания люди, находящиеся на краю пропасти, вызывающей у них головокружение; а между тем им грозит опасность совершать такие проступки, которые являются скорее результатом сумасшествия, ярости и потери благоразумия и способности рассуждать здраво, а также разгула страстей, чем предумышленным сознательным актом.

17. Далее, если согласно аксиоме *In quo quis peccat in eodem puniatur* [чем погрешил, тем и будь наказан] и если *Ratio formalis* [действительный смысл] супружеского греха заключается в препятствовании рождению, то пусть те, кто благодаря своему дурному поведению виновен в таком преступлении, возместят государству потерю еще одной пары рук двойной работой их собственных или, что то же самое, денежным штрафом. Такова практика некоторых благоразумных государств, наказывающих то, чему они никогда не смогут помешать. И святое писание не указывает на какое-нибудь особое наказание на этом свете, а лишь заявляет, что эти лица не будут допущены к радостям будущего.

18. Я мог бы привести еще много примеров, однако если те, которые я уже привел, являются убедительными, то этих немногих достаточно; если же они неубедительны, то все остальные будут также слишком недостаточны. Поэтому я добавлю лишь один пример, поскольку он наиболее подходит к теперешнему времени и положению дел: он заключается в способе наказания лиц, исповедующих иную, не государственную религию.

19. Не подлежит сомнению, что судьи могут наказывать за ложные верования, если они считают, что, не делая этого, они прогневают Бога. Основания к этому те же, какие выставляются людьми в пользу свободы совести и полной веротерпимости. С Другой стороны, они могут допускать ложные религии, что ясно видно хотя бы из практики всех государств, которые дают свободу послам (как бы ни была гнусна их религия), даже если они прибыли по временному и незначительному делу.

20. Поэтому, поскольку судьи могут допускать и смотреть сквозь пальцы на некоторые религии по их усмотрению и могут также наказывать за них и поскольку, предавая смерти, увеча и наказывая тюремным заключением своих подданных, государство не только наказывает само себя, но в то же время и распространяет ложную веру, приходится сделать вывод, что наложение денежных штрафов является наиболее подходящим способом пресечения непристойностей, допускаемых людьми в этой области. Ибо это мероприятие совершенно лишено привкуса озлобления, а скорее доказывает желание быть снисходительным, если только снисходительность совместима со спокойствием государства. Ибо ни один инаковерующий не претендует на то, чтобы его терпели, если он нарушает общественное спокойствие. Поскольку же он намерен его поддерживать, он не может ни относиться недоброжелательно к попыткам властей помочь ему выполнять свои обязанности, ни роптать на необходимость участвовать в покрытии тех расходов, которые вызваны им самим.

21. Далее, поскольку имеются основания быть снисходительными в отношении некоторых лиц, добросовестно заблуждающихся в вопросах религии, постольку же имеются основания к тому, чтобы проявлять строгость в отношении лицемеров, в особенности тех, кто злоупотребляет святой религией для прикрытия мирских целей. Но какой же можно найти более легкий и в то же время более действенный способ различения этих двух категорий, как не хорошо рассчитанные денежные штрафы? Ибо кто из тех лиц, что желают служить безбоязненно Богу, не захочет, работая десять часов в день в своем ремесле, проработать еще один час для получения такой свободы, подобно тому как религиозные люди тратят на молитвы одним часом в день больше, чем это делают менее набожные люди? Или кто, употребляя на свою одежду сукно стоимостью в 21 шилл. за ярд, не удовлетворится сукном стоимостью в 20 шилл., чтобы иметь то же преимущество свободного вероисповедания? Те же лица, что восстают против этого, не желают что-либо сделать, ни пострадать за Бога, хотя они и делают вид, что согласны сделать для него очень много.

22. Против этого можно было бы возразить, что хотя к некоторым плохим религиям и можно относиться терпимо, однако не ко всем, а именно не к таким, которые несовместимы с сохранением общественного спокойствия. На это я отвечаю следующее.

Во-первых, что нет ни одного раскола или секты, как бы они ни были незначительны, которые были бы совместимы с тем единством и спокойствием, которые бы мы хотели иметь. И как бы они ни были добросовестны, они все же для гражданской жизни могут быть весьма вредны. Ибо, хотя Венер [*Томас Венер, лондонский бондарь, предводитель восстания "людей пятой монархии" — секты пуритан, сначала поддерживавших Кромвеля, а затем разочаровавшихся в нем, после чего вожди их были арестованы. Восстание, предводительствуемое Венером, имело место уже после реставрации.*] и его сообщники действовали согласно своим убеждениям, бесстрашно рискуя жизнью, они все же считали короля узурпатором трона и прав Иисуса Христа, а это было государственным преступлением, которое никак нельзя ни простить, ни сравнить с чем-нибудь.

23. И все же, с другой стороны, нет ни одной религии, как бы она ни была ложна, которую нельзя было бы так обуздать, чтобы она не приносила большого вреда государству, не прибегая к преданию смерти, тюремному заключению или увечью. Чтобы быть кратким, укажу, что нет идеи более опасной, нежели неверие в бессмертие души, поскольку она превращает человека в животное; она лишает его совести и страха перед совершением какого угодно злого дела, если только он может избежать наказания со стороны человеческих законов, направленных против таких действий; эта идея делает людей добычей всех дурных помыслов и желаний, которые не могут быть известны другим людям. Однако я утверждаю, что даже такие неверующие могут быть в достаточной мере наказаны, если относиться к ним, как к животным; если они не будут ничем владеть, поскольку для них не имеет значения, добросовестно ли они добыли то, что они имеют; если никогда не разрешать им быть свидетелями и не допускать к принятию присяги, ибо ничто не обязывает их говорить правду; не разрешать им занимать какое-либо почетное положение или какую-либо должность, поскольку они заботятся лишь о себе, а не о защите других, и вместе с тем принуждать их к самому напряженному физическому труду, прибыль от которого, достаемая государству, и будет тем денежным штрафом, о котором мы говорим, и притом самым большим.

24. Что касается идей, менее опасных, чем эта, то штраф может быть видоизменен соответственно характеру каждой из них и в зависимости от размеров опасности, которую по мнению властей может принести допущение их, а также расходов, вызывающихся необходимостью предупредить эту опасность.

25. Говоря о способах предупреждения и исправления иноверия, что мы до сих пор и делали, определяя наказания заблудшим овцам, я считаю нелишним добавить, что во всех этих случаях сами пастыри отнюдь не должны оставаться совершенно безнаказанными. Ибо в нашей стране имеется такое изобилие свободных школ, в наших университетах и других местах производятся такие большие расходы на обучение наукам, которые дают

возможность защищать государственную религию; имеется также больше, чем необходимо, библиотек для использования их в этих целях; далее, привилегии, которыми пользуется церковь, более многочисленны и обширны в отношении Богатства, почета и силы, чем где бы то ни было. А если так, то кажется странным, почему, когда благодаря лени, формальному отношению к делу, невежеству и беспутной жизни наших пастырей овцы сбиваются с правильного пути, покрываются паршой или становятся добычей волков и лисиц, то исправления всего этого идут лишь в таком застрачивании заблудших, при котором они никогда не смогут вернуться обратно, и в сдирании шерсти вместе со шкурой с тех, кто покрылся паршой. Между тем всемогущий Бог взыщет за кровь даже тех, кого растерзали волки и лисицы, с самих пастырей.

26. Поэтому если священник потеряет часть десятины, уплачиваемой теми, кого он допустил отпасть от церкви (причем отступник не освобождается от уплаты ее, но она полностью поступает в распоряжение государства), и если отступник уплачивает определенный денежный штраф за свое отступничество и в то же время сам покрывает расходы своей новой обособившейся церкви и ее духовенства, то... бремя будет... распределено более равномерно.

27. Кроме того, все здравомыслящие люди не считают, что наше духовенство может заслужить все те обширные привилегии, которыми оно пользуется, лишь тем, что оно проповедует и излагает мысли относительно религии лучше, чем это делают другие люди, или же может выражать свои рассуждения словами отцов церкви или святого писания и т.д. Несомненно, что то большое уважение, которым духовенство у нас пользуется, объясняется тем, что оно подает пример святости, показывая своей самоотверженностью, умерщвлением плоти и строгостью, что и мы можем поступать по его примеру, выполняя предписания Бога. Ибо, если бы дело заключалось лишь в его проповедях, то некоторые люди могли бы подумать, что его проповедей напечатано в десять тысяч раз больше, чем может понадобиться, и притом таких хороших, что вряд ли можно ожидать в дальнейшем еще лучших. Сильно распространено мнение, что монастырская дисциплина сохранила католическую религию, которую могла бы погубить роскошь...

28. Поэтому сущность всего, что мы сказали в этом рассуждении относительно церкви, заключается в том, что для ее спокойствия было бы очень полезно, если бы питомники, где воспитываются священники, были не слишком велики; что суровый образ жизни духовенства заставил бы жителей лучше к ним относиться и что когда вся церковь страдает от несовершенств своих членов, то было бы весьма разумно, чтобы пастыри, теряя небольшую часть своих доходов, ощутили эту потерю. Решение вопроса о том, как это должно быть сделано, и о размерах всего этого я оставляю на усмотрение тех, кого это касается.

29. Относительно наказаний и уголовных законов я добавляю лишь, что считаю неправильным, если они созданы не для того, чтобы держать людей подальше от греха, а для того, чтобы подвести последних под наказание, и если лица, следящие за их исполнением, держат их втайне, пока не будет совершен проступок, и потом внезапно показывают их бедному, незлонамеренному преступнику. Это весьма похоже на поведение тех стражей, которые никогда не доводят до сведения людей о запрещении останавливаться для отправления естественных потребностей у стены возле их сторожки, пока они не поймали их за шиворот, требуя уплаты штрафа за проступок.

Глава XI "О монополиях и должностях."

1. Монополия (как показывает само слово) означает исключительное право продажи. Человек, обладающий этим правом, может продавать тот товар, на который это право распространяется, оценивая его, как ему заблагорассудится, или по той цене, по какой ему заблагорассудится, или делая и то и другое в пределах разрешенных ему границ.
2. Ярким примером монополии является налог на соль, взимаемый французским королем, причем он продает за 60 то, что стоило ему лишь единицу. Поскольку соль потребляется всеми разрядами людей и едва ли больше бедными, чем Богатыми, то, раз люди потребляют одинаковое количество ее или вынуждены, как это практикуется в некоторых местностях, покупать ее независимо от того, потребляют они ее или нет, этот налог имеет, по-видимому, те же результаты, что и наиболее простой из упомянутых выше подушных налогов. Но если люди расходуют или потребляют соль не в одинаковом количестве, как это обычно бывает, и не обязаны брать или платить за большее количество, чем они потребляют, то это не что иное, как собирательный акциз, в особенности в том случае, если соль вся одного и того же качества. Иначе говоря, это есть особый вид обложения, а именно монополия.
3. Польза или повод для учреждения монополии заключается в следующем. Во-первых, в праве изобретателей, поскольку закон вознаграждает изобретателей, предоставляя им монополию на их изобретения на определенный срок (например, у нас, в Англии, на 14 лет), ибо при этом Изобретатель вознаграждается в большей или меньшей степени в зависимости от того, как встречают его изобретение люди. *[Петти изобрел аппарат, дававший возможность писать сразу с копией, и Получил на него патент от палаты лордов на 17 лет. Однако все его попытки организовать "синдикат" для использования этого патента остались безрезультатными.]* Следует, между прочим, отметить, что немногие лица, открывшие что-нибудь новое, были когда-либо вознаграждены монополией; ибо, хотя изобретатель, упоенный мыслью о своих собственных достоинствах, часто думает, что все люди побегут к нему и будут хватать у него из рук его изобретение, однако я заметил, что большую часть людей очень трудно заставить применять новые приемы, которые они сами не проверили со всех сторон и применение которых не показало бы в течение долгого времени, что в них нет скрытых недостатков. Таким образом, когда впервые предлагается какое-нибудь новое изобретение, то вначале каждый против него возражает, и бедный изобретатель должен пройти сквозь строй всевозможных грубых насмешек, причем каждый человек находит различные его упущения, и никто не одобряет его, если только не будут внесены поправки согласно его собственным указаниям. Из ста изобретений меньше одного переживает эти пытки, а те, что переживают, в конце концов так изменяются благодаря различным предложениям, внесенным другими лицами, что ни один человек не может претендовать на все изобретение в целом и нет также возможности прийти к полному соглашению относительно доли каждого во всем изобретении. Кроме того, этот процесс тянется обычно так долго, что бедный изобретатель к этому времени или умер, или пал под тяжестью долгов, которые он вынужден был наделать, добиваясь выполнения своего замысла, и, кроме того, его еще ругают как прожектера, и еще хуже ругают те, кто объединил свои деньги с его умом. Таким образом, и изобретатель; и его претензии погибают и исчезают. Во-вторых, монополия может быть действительно полезной на некоторое время, а именно при первоначальном введении нового изделия, когда требуется большая точность для того, чтобы хорошо его сделать, и когда большинство людей не могут быть компетентны в производстве его. Например, предположим, что имеются некоторые наиболее одобряемые медикаменты, которые известный человек может делать наилучшим образом, хотя многие другие могут также делать их, но менее хорошо. В таком случае этому главному мастеру можно дать монополию на определенный срок, а именно пока другие, работая с ним, не приобретут достаточно опыта, чтобы делать эти медикаменты столь же хорошо, как и он. Во-первых, потому, что население не может иметь различным образом приготовленные медикаменты, раз само оно не может судить ни о различиях в них при помощи своих органов чувств, ни об их действиях а posteriori [по последствиям] при помощи своего

рассудка. Во-вторых, потому, что другие люди могут быть полностью обучены тем, кто лучше всех может сделать данный предмет, и, в-третьих, потому, что он может получить вознаграждение за эту передачу своих знаний. Однако, поскольку при помощи этого рода монополий редко взимаются крупные суммы налога, они имеют мало отношения к тому вопросу, которым мы занимаемся.

Учрежденные государством должности и установленные им самим вознаграждения аналогичны по своей природе монополиям, причем в одном случае речь идет о действиях и занятиях, подобно тому как в другом — о вещах. За и против них можно сказать то же самое, что и относительно монополий.

По мере того как королевство увеличивается и процветает, увеличивается также и разнообразие вещей, действий, даже слов. Ибо мы видим, что язык наиболее процветающих империй был всегда наиболее богатым и изящным, в горных же кантонах мы наблюдаем совершенно обратную картину. Но по мере того как деятельность данного королевства увеличивается, увеличивается и число должностей (т.е. исключительное право и возможность выполнения и оформления этих действий). И наоборот: по мере увеличения числа должностей, они делаются менее трудными и соответственно уменьшается опасность их плохого выполнения. Это приводит к тому, что должности, которые в момент их учреждения выполнялись лишь наиболее способными, изобретательными и опытными людьми (такими, что могут бороться со всякими внезапно возникающими трудностями и извлекать из своих собственных длительных наблюдений, связанных с различными случайностями их занятий, правила и аксиомы для будущего руководства), выполняются в данное время их заместителями и помощниками — людьми самыми обыкновенными, работающими машинально, на манер рабочей лошади.

В то время как первоначально были установлены такие высокие жалованья, которые могли бы компенсировать искусство, честность и усердие администраторов (принимая даже во внимание, что таких лиц можно было тогда найти очень немного), эти высокие жалованья сохраняются до сих пор, хотя искусство и степень требуемого доверия уменьшились, а количество выплачиваемых жалований необычайно возросло. Так что в настоящее время выгоды от этих должностей (ставших весьма простыми и такими легкими, что всякий человек способен их занять, даже такой, который никогда не выполнял данной работы) покупаются и продаются на годы или на всю жизнь, как это может быть сделано со всяким другим регулярным годовым доходом. И в то же время роскошь, являющаяся результатом легких барышей, приносимых такими должностями в судебных учреждениях, называется процветанием закона, который, несомненно, лучше всего процветает, когда его профессора и слуги имеют меньше всего дела. И более того, когда обременительность и бесполезность такой должности уже замечаются, ее тем не менее не упраздняют, считая ее личной собственностью купившего ее.

Таких должностей имеется много в стране: они могли бы приносить доход королю либо благодаря тому доходу, который они приносят ежегодно, либо будучи проданы на несколько лет сразу. Речь идет о должностях, которые могут быть проданы, т.е. о хорошо оплачиваемых, поскольку их оплата была установлена, когда их число было невелико; это должности, которых имеется очень много, так как число их росло по мере увеличения дел, и которые могут выполняться самыми обыкновенными людьми; ибо время сделало работу очень легкой и нашло гарантии против всех ошибок, нарушений доверия и плохого администрирования, от которых страдали эти должности в момент своего раннего детства. Эти должности являются поэтому налогом на тех, кто не может или не хочет избежать обращения к ним, налогом, который переносится подобно тому, как люди переносят и терпят несчастья дуэлей, которые весьма велики независимо от того, какая сторона победит [*Сам Петти уклонился от дуэли незадолго до опубликования "Трактата"*]. Ибо несомненно, что люди не всегда обращаются к судебным органам, чтобы добиться справедливости или предупредить несправедливость; это может быть сделано благоразумными соседями не хуже, чем присяжными заседателями, не более к тому

способными; и люди могут рассказать самому судье обстоятельства своего дела так же хорошо, как сейчас они рассказывают их своему адвокату. Поэтому эти должности являются добровольным налогом на сварливых людей, подобно тому как акциз на напитки падает на тех молодчиков, которые их любят.

Глава XII "О десятине."

1. Слово "десятина", имеющее тот же смысл, что и десятая часть, означает само по себе не больше, чем долю изъятия или изъятую часть, подобно тому как если бы пошлины на импортированные и экспортированные товары назывались бы двадцаткой, как они иногда называются потонным и пофунтным сбором. Поэтому необходимо сказать, что под десятиной подразумевается здесь как указанная доля, так и назначение ее, а именно содержание духовенства, а также материал, или субстанция, из которого это содержание выкроено, т.е. непосредственный продукт земли и воды или доход от людского труда, искусства и капитала (Stock), приложенных к ним. Слово "десятина" указывает также на способ уплаты ее, а именно *in specie* [в натуре], а не в деньгах (за исключением специальных случаев и случаев, добровольно установленных).
2. Мы сказали, что материалом десятины является непосредственный продукт земли, т.е. зерно, как только оно находится в таком состоянии, что может быть увезено с почвы, на которой оно выросло, а не готовый хлеб, каким является зерно обмолоченное, провеянное, смолотое, увлажненное и испеченное.
3. Это также каждый второй экземпляр из приплода многоплодного скота, взятый в натуре, как только молодняк может существовать отдельно от маток, или же уплата по соглашению деньгами со скота, приносящего одного детеныша.
4. Это шерсть, как только она снята, птица и рыба там, где разведение птицы и ловля рыбы являются скорее промыслом, чем только лишь развлечением, *et sic de caeteris* [и так во всем прочем].
5. Далее, в больших городах десятина есть своего рода денежный взнос, установленный по соглашению, с труда и прибыли ремесленников, работающих над материалами, с которых была уплачена десятина раньше.
6. Итак, десятина увеличивается на любой территории соответственно увеличению труда данной страны, а труд возрастает или должен возрастать соответственно росту числа жителей. За 400 лет число жителей Англии увеличилось почти в четыре раза, удваиваясь каждые 200 лет, доля же ренты, получающейся со всех земель Англии, равна приблизительно четвертой части расходов ее жителей, так что остальные три четверти приходятся на долю труда и капитала.
7. Поэтому десятина в настоящее время должна быть в двенадцать раз большей, чем она была 400 лет назад, что можно очень легко заметить, сравнив занесенные в королевские книги цифры доходов причта за разные эпохи. Кое-что отсюда надо сбросить, поскольку соотношение между доходом от земли и доходом от труда изменяется в соответствии с тем, как меняется число работников. Поэтому мы лучше будем считать, что десятина сейчас лишь в шесть раз больше, чем она была 400 лет назад, т.е. что десятиной сейчас можно оплатить в шесть раз больше работников или накормить в шесть раз больше людей, чем это можно было бы сделать десятиной, получавшейся 400 лет назад.
8. Но в то время имелось не только такое же количество приходов, как и сейчас, но и больше священников в каждом приходе и больше набожных людей, которые являлись также священниками, религия же того времени доставляла больше хлопот и требовала затраты

большого количества труда, чем в настоящее время, благодаря тому, что тогда было больше исповедей, праздников, служб и т.д., чем теперь (основная работа в настоящее время заключается в единовременном обучении свыше тысячи человек сразу, без надобности большого числа отдельных исповедей, обучений катехизису или забот о мертвых). Ясно поэтому, что духовенство сейчас значительно богаче, чем оно было раньше, и что принадлежать к духовенству в то время было своего рода подвижничеством, между тем как теперь (благодарение Богу) это дает возможность вести роскошный и великолепный образ жизни. Разве что кто-либо мне скажет, что священники были золотыми, когда чаши были деревянными, когда же последние стали золотыми, мы имеем деревянных священников; или что религия лучше всего процветает, когда священники ведут самый скромный образ жизни, как это было выше сказано относительно закона, который лучше всего процветает, когда юристы меньше всего заняты.

9. Но как бы ни возросли доходы церкви, это не вызывает у меня недовольства. Я желал бы лишь, чтобы духовенство приняло меры, обеспечивающие им самим возможность пользоваться этими доходами без всяких опасений и в полном спокойствии. Одной из таких мер является недопущение подготовки большего количества лиц духовного сословия, чем это позволяют доходы, распределяемые так, как это имеет место теперь. Иначе говоря, если в Англии и Уэльсе имеется мест приблизительно лишь для 12 тыс. человек, то нельзя воспитать 24 тыс. священников, исходя из взгляда или представления, что церковных средств, если их иначе распределить, хватит для всех их. Ибо тогда необеспеченные 12 тыс. будут искать способ добыть себе средства существования, а это им легче всего сделать, убеждая население в том, что 12 тыс. получателей дохода отравляют или иссушают их души и сбивают их с правильного пути на небо. И эти нуждающиеся люди, имея к тому же сильное искушение к таким проповедям, будут иметь успех; нам приходилось видеть, как проповедники, принадлежащие к такого рода сверхкомплектным священникам, проповедовали большее число раз в неделю, больше часов в день и с большей страстностью каждый раз, чем это могут делать священники, обладающие доходом; ибо *Graeculus esuriens in Coelum Jusseris, ibit* [голодные галки ловят в небе похлебку].

Эти страстность, усилия, рвение и существование за счет частных даяний заставляют людей думать, что те, кто это делает, являются в то же время более правоверными и даже более поддерживаются Богом, чем другие. А теперь пусть каждый судит, не помогут ли людям, считающимся вдохновленными, добраться до церковных доходов и т.д. Но все это слишком ясно благодаря событиям последнего времени.

10. Здесь возникает вопрос, что необходимо сделать или каким образом нам узнать, что необходимо сделать для того, чтобы привести в соответствие наш питомник с нашими садами? На это я отвечаю, что если в Англии имеется 12 тыс. церковных мест, включая высокие церковные должности, то достаточно посылать в виноградник ежегодно 400 отпрысков, чтобы не создавать переполнения. Ибо в соответствии с "Замечаниями относительно бюллетеней смертности" приблизительно такое количество умирает ежегодно из 12 тыс. взрослых людей в том возрасте, в каком находятся священники и должны находиться, чтобы обладать теоретическими знаниями и практическим опытом, как своим собственным, так и других людей.

11. Но я отклонился от вопроса, поскольку моей основной целью было объяснить природу налога, взимаемого в виде десятины. Тем не менее, поскольку цель такого рода объяснений заключается в убеждении людей спокойно уплачивать ту сумму налога, какая необходима, не проявляя при этом строптивости, и поскольку сверх того целью их, а также целью всего иного, что мы делаем, является лишь сохранение общественного спокойствия, я полагаю, что отнюдь не уклонился далеко, вставив это небольшое предупреждение, имеющее столь большое значение для сохранения спокойствия в нашем Иерусалиме.

12. Возвратимся, однако, к десятине как к налогу, или сбору. Я утверждаю, что в Англии она не имеет такого характера, чем бы она ни была или ни казалась в первый век ее установления. Не являются таковыми теперь и королевские отступные ренты в Ирландии;

да они, собственно, и не покажутся такими в следующем веке, когда каждый будет сопоставлять свои расходы с остатком своей собственной ренты после того, как уплачена королевская; ибо только внезапность и неожиданность расхода превращают в бремя налог, неожиданно присоединяющийся к издержкам и потерям какого-либо человека, делают его нетерпимым для тех людей, которые не понимают его, и заставляют людей даже братья за оружие, чтобы бороться против его уплаты, т.е. перескочить с горячей сковороды на земле в огонь адский, которым являются война и ее беды.

13. Итак, десятина не является налогом, и я говорю о ней лишь как о *modus'e* или образце налога, утверждая, что она очень близка к налогу, самому равномерному и беспристрастному, какой только может быть установлен для покрытия государственных расходов всей страны, а также церковных расходов; ибо при ее помощи взимается доля всего зерна, скота, рыбы, птицы, фруктов, шерсти, меда, воска, масла, пеньки и льна, созданных в стране и являющихся продуктом земли, искусства, труда и капитала, которые произвели их. Десятина недостаточно регулярна, однако, в отношении домов, одежды, напитков, кожи, перьев и разных изделий из них; она настолько нерегулярна, что, если бы различие в десятине, уплачиваемой деревней по сравнению с городом, должно было бы теперь быть установленным *de novo* [заново], то я не вижу другого подобного этому мероприятия, которое бы могло так быстро вызвать крупное восстание.

14. Уплата королю определенной доли в натуре теми же вещами, какими уплачивают сейчас десятину, не была бы связана с неудобством, проистекающим от сходства королевской ренты с дивидендами корпораций, т.е. повышением или снижением ее в соответствии с ценами на товары, если только такое неравенство дивидендов не происходит от малочисленности предметов, с которых рента уплачивается в деньгах соответственно их рыночным ценам. Ведь там, где речь идет о совокупности всех предметов, там один предмет может хорошо уравниваться другим; ибо, говоря о годе, отличающемся дороговизной или изобилием, имеют в виду лишь один хлеб как главный продукт питания основной массы населения. Между тем возможно, что те же причины, которые вызывают недостаток хлеба, могут привести к изобилию других продуктов, не менее полезных королю, поскольку один предмет будет компенсировать то, чего ему не хватает в другом.

15. Другим неудобством могло бы быть то, что наблюдалось в Ирландии, когда духовенство получало жалованье, а десятина уплачивалась в натуре государству, последнее же, поскольку оно не могло фактически получать ее в натуре, сдавало ее на откуп тому, кто давал наивысшую цену. Эта сделка давала повод к большому количеству мошенничеств, комбинаций и тайных соглашений, которые могли бы быть, вероятно, избегнуты, если бы эта мера не была предпринята внезапно, как временное средство без намерения применять его в дальнейшем.

16. Третье неудобство заключается в том, о чем мы говорили выше, а именно в необходимости существования другого вида налога, который охватил бы производство, тех товаров, за материалы которых уплачивается десятинный налог. Между тем возможно, что имеется способ обложения, равномерный по своей собственной природе и который не нужно дополнять другим, так что чиновники, занятые его взиманием, могли бы быть полностью заняты; тогда не было бы нужды в других чиновниках, продолжительные промежутки бездельничанья которых делают их похожими на трутней, подобно тому как они являются также гусеницами всякого государства

Глава XIII "О различных менее значительных способах взимания денег."

1. Когда население недовольно каким-нибудь одним видом налога, всегда найдется какой-нибудь прожектер, который предложит другой и добьется того, что его выслушают, утверждая, что вместо существующего способа он может предложить способ обложения, могущий покрыть все общественные расходы. Например, если существующий и вызывающий недовольство способ есть поземельный налог и население хочет избавиться от него, то он предлагает обойтись без такого поземельного налога и принять подушный налог, или акциз, или введение новых должностей или монополий и таким путем заставляет тех или других людей прислушиваться к тому, что он говорит; а это особенно охотно делается теми, кто не занимает выгодных местечек, связанных с существующим видом налога, и кто надеется добыть себе службу при новой организации.

2. Я перечислю некоторые из менее значительных способов, которые я наблюдал в разных странах Европы.

Во-первых, в некоторых местах государство является общим кассиром для всех или для большей части денег, подобно тому как это имеет место там, где существуют банки, получая при этом в свою пользу проценты со всех тех денег, которые сданы ему на руки.

Во-вторых, иногда государство является общим кредитором: это имеет место там, где существуют ссудные банки и ломбарды. Это могло бы иметь место в более широких размерах и более эффективно там, где производится регистрация земель.

В-третьих, иногда государство является или могло бы быть общим страховщиком либо только от нападения врага на море, соответственно предполагаемой первоначальной цели наших пошлин в Англии, либо же от несчастных случаев, являющихся результатом действий врага, погоды, моря и корабля, взятых вместе.

В-четвертых, иногда государство имеет исключительное право продажи определенных товаров и получения выгод, связанных с этим, как, например, янтаря в стране герцога Бранденбургского, табака — в прежние времена в Ирландии, соли — во Франции и т.д.

В-пятых, иногда государство является коллективным нищим, как это имеет место в Голландии, где частная благотворительность, по-видимому, служит лишь для того, чтобы помогать лицам, скрывающим свою нужду, и уберечь их от стыда, который они испытывали бы, если бы им пришлось открыть свою бедность, и в меньшей степени — чтобы помогать при нужде, о которой заявлено и всем известно.

В-шестых, в некоторых странах государство является единственным попечителем несовершеннолетних, сумасшедших и идиотов.

В-седьмых, в некоторых других странах государство организует и содержит игорные дома и публичные увеселительные предприятия, выплачивая жалованье актерам и удерживая себе основную массу прибыли.

В-восьмых, в некоторых странах государство страхует дома от огня, взимая небольшую ренту ежегодно с каждого дома.

В-девятых, в некоторых странах взимается плата за пользование мостами, плотинами и паромными, построенными и содержащимися за государственный счет.

В-десятых, в некоторых местах умершие должны оставлять известные суммы государству, в некоторых других местах это же практикуется в случае брака и возможно, что еще в других — в случае рождений.

В-одиннадцатых, в некоторых местах иностранцы, в особенности евреи, облагаются специальным налогом. Это может приносить пользу в перенаселенных странах, но вредно в обратном случае.

3. В-двенадцатых, в наше время применялись способы обложения путем взимания aliquot [определенной] части имущества жителей, например пятой или двадцатой части их недвижимого имущества, даже их должностей и профессий, а также их воображаемого имущества. Этот способ дает большой простор разного рода мошенничествам, тайным соглашениям, угнетениям и беспокойствам, причем некоторые лица намеренно заставляют себя облагать налогом, чтобы получить больший кредит, другие прибегают к подкупу, чтобы платить низкий налог, и так как невозможно проконтролировать, или проверить, или

проследить за правильностью этих сборов по оставляемым ими следам (каковыми являются, например, печи при налоге на дымовые трубы), то у меня не хватает терпения высказываться еще больше против них; я предпочитаю закончить без дальнейших церемоний словами нашего комика: они негодны и даже более чем негодны, весьма отвратительны и очень плохи.

Глава XIV "О повышении и снижении достоинства монет и об их порче."

1. Случалось иногда, что государства (не знаю, по чьему необдуманному совету) повышали достоинство монет или портили их, надеясь, что вследствие этого деньги как бы умножатся и будут представлять как бы большую стоимость, чем до того, и надеясь купить за них большее количество товаров или труда. Все это, право же, сводится в действительности не к чему иному, как к налогу на тех лиц, должником которых является государство, или к присвоению части долга, а также к вынуждению подобной же жертвы у всех тех, кто живет на пенсию, установленные ренты, годовые доходы, пособия и т.д.
2. Чтобы объяснить это явление, необходимо было бы броситься в глубокий океан всех загадок, связанных с деньгами, что сделано в других целях в ином месте. Тем не менее я сделаю это наилучшим доступным мне образом, выяснив основания *pro et contra* [за и против] порчи и повышения достоинства денег. Начну с порчи.
3. Производство медных или оловянных денег, обращающихся *ad valorem* [по стоимости] заключающегося в них материала, не означает порчи. Они только более стеснительны и хуже серебряных денег благодаря тому лишь, что они менее удобны и портативны. Обращение медных денег по стоимости работы и материала (монеты, у которых изображение и герб искусно выгравированы и отчеканены, похожи больше на медали, чем на деньги) не означает порчи их, если только количество этих монет не чрезмерно. (Я не буду определять, чему должно быть равно это последнее, пока не сделаю в дальнейшем предложения относительно наиболее подходящих делений фунта, представленного абстрактно, в которых, по моему мнению, и должны чеканиться деньги, и не оп-ределю, сколько монет каждого деления должно содержаться в ста фунтах.) Ибо если количество монет чрезмерно, то мастерство, результаты которого годны только на то, чтобы ими любоваться, обесценивается, становясь слишком обычным.
4. Не являются испорченными и те знаки, которые выпускаются частными лицами и служат для размена в розничной торговле (если эти лица состоятельны и имеют возможность взять их обратно и дать взамен их серебро).
5. Однако я считаю то золото испорченным, которое имеет больше примеси в виде меди или серебра, чем это необходимо для того, чтобы исправить его слишком большую природную мягкость и гибкость, вследствие чего оно в качестве денег изнашивается слишком быстро. Я считаю также испорченным то серебро, к которому подмешано больше меди, чем необходимо для того, чтобы оно сделалось достаточно вязким и не ломалось под молотом, прессом, машиной и т.д., посредством которых оно должно чеканиться.
6. Поэтому испорченными деньгами являются такие, например, деньги, как голландские шиллинги, стайверы, французские су, ирландские бонгаллы и т.д., которые по большей части представляют собой большие монеты, хотя и имеющие небольшую стоимость. Ведь первое основание, или цель, их производства заключается в том, что, имея большой объем,

эти монеты должны быть более пригодны к обращению, заключенное же в них серебро должно менее легко стираться и изнашиваться.

7. Второе основание (не считая примесей, которые мы должны допустить в упомянутых выше размерах) — это необходимость препятствовать расплавлению монеты золотых дел мастерами и торговцами драгоценными металлами и экспортированию ее иностранцами; и то и другое может теперь произойти, лишь принося им убыток. Ибо предположим, что стайвер в два пенса содержит чистого серебра на один пенс; если торговец драгоценным металлом расплавит его с целью добыть лишь серебро, то при этом он потеряет медь и издержки очистки серебра. И иностранцы также не вывезут его в такие места, где исчезнет местная стоимость монеты, а внутренняя принесет убыток.

7. 1. Доводом против этого рода денег является, во-первых, большая опасность фальсификации, ибо цвет, звук и вес, на основании которых люди (не прибегая к реактивам) судят о доброкачественности материала, из которого сделаны деньги, слишком неопределенны, чтобы обыкновенный человек (которого это касается) мог руководствоваться этими признаками в своих сделках.

8. Во-вторых, в случае если достоинство мелких монет такого Рода, например монет в два пенса, повысится или понизится на 12, 15 или 16%, это приведет к известным потерям благодаря дробям, которых простые люди не способны вычислять. Например, если Достоинство таких денег понизится лишь на 10, 11 или 12%, то Двухпенсовик будет стоить лишь полтора пенса, что составляет 25%; то же самое и при изменениях в другом отношении.

9. В-третьих, в случае когда недостатки этих денег будут столь велики, что вызовут необходимость их перечеканки, будут иметь место все те потери, которые, как мы говорили выше, получают, когда их расплавляет торговец благородными металлами.

10. В-четвертых, если двухпенсовик содержит лишь восьмую часть того серебра, которое содержится обычно в шиллинге, то торговцы будут требовать уплаты 15 пенсов этими деньгами за тот же товар, за который они будут брать 1 шилл. стандартным серебром.

11. Повышение достоинства денег заключается или в чеканке из монетного фунта стандартного серебра большего количества монет, чем из него чеканилось раньше, например свыше 60, в то время как раньше их чеканилось из него лишь 20, причем все же оба сорта монет называются шиллингами, или же в придании уже существующим монетам более высоких наименований. Основания или доводы в пользу такого повышения достоинства денег сводятся к тому, что повышение его вызовет более обильный приток их, а также материала, из которого они делаются, в данную страну. Чтобы проверить правильность этого утверждения, предположим, что приказано считать стоимость одного шиллинга равной двум шиллингам. Какой иной результат будет это иметь помимо повышения цен всех товаров вдвое? Если же будет приказано, чтобы заработная плата рабочих и т.п. не повысилась совершенно в связи с повышением достоинства денег, то такое мероприятие будет означать лишь налог на рабочих, поскольку оно вынудит их терять половину своей заработной платы, что будет не только несправедливо, но и невозможно, если только они не смогут жить на эту половину (чего нельзя предположить). Но в этом случае закон, устанавливающий такую заработную плату, был бы составлен плохо, поскольку закон должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем он мог бы работать и стал бы работать, а это для общества означает потерю такого же количества труда.

12. Но предположим, что французская монета в четверть эю, стоимость которой обычно считается равной 18 пенсам, повышена до 3 шилл.; в таком случае верно, что все деньги Англии превратятся действительно в четверти эю, но столь же верно, что все английские деньги будут вывезены, а наши "четверти эю" будут содержать в себе лишь половину того благородного металла, который заключался в наших собственных монетах. Таким образом, повышение достоинства денег может действительно изменить монеты, однако с потерей,

соответствующей повышению достоинства иностранных монет над их внутренней стоимостью.

13. Но предположим, что во избежание этого мы повысим достоинство четверти эку вдвое и запретим экспорт наших собственных денег в обмен на них. Я утверждаю, что такое запрещение будет бессмысленно и его нельзя будет провести; но если бы оно даже было возможно, то все же повышение достоинства указанных монет заставит нас продавать товары, купленные на такие "четверти эку", фактически лишь за половину их обычной цены, между тем как те, кто нуждается в таких товарах, дали бы за них полную цену. Таким образом, снижение наших цен соблазнит иностранцев купить наши товары в количестве, превышающем то, что они обычно покупают, так же как это произошло бы в случае повышения достоинства их денег. Однако ни такое повышение, ни пониженные цены не заставят иностранцев потреблять больше наших товаров, чем им требуется, ибо хотя в первом году они вывезут необычное и излишнее количество товаров, в дальнейшем они возьмут на столько же меньше.

14. Если это верно, а в основном это так, то почему в таком случае так много благоразумных правительств в разные эпохи древности, а также в новые времена часто прибегали к этой мере как к средству привлечения денег в их страны?

Я отвечаю, что кое-что должно быть отнесено за счет глупости и невежества людей, которые не могут сразу разобраться в этом вопросе, и я видел многих достаточно умных людей, которые хотя и знают хорошо, что повышение достоинства денег имеет малое значение, однако не могут сразу это переварить. Например, ничем не занятый человек, имеющий в своем кармане деньги, живущий в Англии, услышав, что шиллинг приравнен 14 пенсам в Ирландии, с большей охотой поспешит туда, чтобы купить там землю, чем он это сделал бы раньше, не понимая сразу, что за ту же землю, которую он прежде мог купить за шесть годичных рент, ему придется сейчас платить семь. А продавцы в Ирландии также не найдут оснований к тому, чтобы повысить стоимость своих земель пропорционально, но в конце концов пойдут на компромисс, т.е. согласятся продать землю за шесть с половиной рент. А если разница составит более мелкую дробь, то люди в продолжение значительного периода не будут замечать ее и даже не будут в состоянии принимать ее в расчет в своей практической деятельности.

15. Далее. Существует, конечно, немалая действительная разница между повышением достоинства иностранных денег вдвое и снижением цен наших товаров наполовину; однако продажа их при подразумеваемом условии оплаты иностранными деньгами данного момента увеличит количество наших денег, поскольку между повышением достоинства денег и понижением товарных цен существует та же разница, что и между продажей за деньги и продажей в обмен на другой и более дорогой товар, или между продажей за наличный расчет и продажей с уплатой через определенное время; ведь меновая торговля сводится к природе сделок с неопределенным сроком.

16. Предположим, что английское сукно продается по 6 шилл. ярд, а французское полотно по 18 пенсов локоть. Спрашивается, разве для того, чтобы увеличить количество денег в Англии, безразлично, увеличить ли достоинство французских денег вдвое или снизить наполовину цену нашего сукна? Я считаю, что первый способ лучше, потому что этот первый способ, или предположение, включает в себе условие получения иностранных денег как таковых, а не полотна в натуре; а между этими путями, как все обычно признают, существует различие. Поэтому, если мы можем себе позволить сократить наполовину нашу цену, но при этом имеем в виду лишь привлечение денег наших соседей, то при повышении достоинства их денег мы выигрываем столько, сколько составляет указанное различие между торговлей на деньги и меновой торговлей.

17. Но коренное решение этого вопроса зависит от действительного, а не мнимого пути определения цен товаров. Для того чтобы установить этот действительный путь, я делаю следующие предварительные предположения: во-первых, предположим, что на некоторой территории живет тысяча человек. Предположим, что этих людей достаточно для обработки

всей этой территории и для производства хлеба, который, будем считать, покрывает все средства существования, подобно тому как в молитве "Отче наш" это подразумевается под словами "хлеб насущный"; допустим, что производство одного бушеля хлеба требует столько же труда, сколько производство одной унции серебра. Предположим далее, что десятая часть этой земли и десятая часть всех жителей, т.е. 100 человек, могут произвести хлеба в количестве, достаточном для всех. Предположим, что земельная рента (определяемая так, как это было указано выше) составляет четвертую часть всего продукта (она действительно равна приблизительно этой доле, как мы можем заключить из того, что вместо ренты в некоторых местах уплачивается четвертый сноп). Предположим также, что, несмотря на то, что для ведения данного сельского хозяйства требуется лишь 100 человек, в нем занято 200 человек, и предположим, что там, где было бы достаточно одного бушеля, люди, желая питаться более утонченно, употребляют два, используя лишь лучшую часть обоих. Выводы из всего это следующие:

Во-первых, богатство или скудость земли, или ее стоимость, определяется отношением той большей или меньшей части приносимого ею дохода, которая платится за пользование ею, к тому простому труду, который нужно было затратить для того, чтобы она приносила этот доход.

Во-вторых, что соотношения между хлебом и серебром означают лишь искусственную стоимость, а не естественную, потому что сравниваются между собой вещь, которая полезна по своей природе, и вещь, которая сама по себе бесполезна: это, между прочим, является отчасти причиной того, что в ценах серебра не наблюдается таких сильных изменений и скачков, как в ценах других товаров.

В-третьих, что естественная дороговизна или дешевизна зависит от того, больше или меньше требуется рук для удовлетворения естественных потребностей. Так, хлеб дешевле, если один производит на десятерых, чем если он может снабжать хлебом только шестерых; таким образом, людям приходится издерживать больше или меньше, смотря по климату. Но политическая дешевизна зависит от незначительности излишних рук в каком-либо промысле сверх необходимого в нем количества людей. Например, хлеб будет вдвое дороже там, где имеется 200 сельских хозяев, выполняющих ту же работу, какую могли бы выполнить 100 человек. Если этой пропорции соответствует пропорция излишнего расхода (т.е. если к упомянутой причине дороговизны присоединяется та, которая вызывается расходом, превышающим вдвое необходимый расход), то естественная цена окажется учетверенной, и эта учетверенная цена есть истинная политическая цена, исчисленная исходя из естественных оснований.

А эта последняя, будучи сопоставлена с обычным искусственным стандартом — серебром, дает то, что мы ищем, т.е. истинную рыночную цену.

18. Однако поскольку почти все товары имеют свои субституты, или заменители, и почти все нужды могут удовлетворяться разными способами, а также поскольку на цены товаров влияют в смысле повышения или понижения их новизна, вызванное ими изумление, пример вышестоящих лиц и представление о невозможности определить их эффект, то мы должна добавить эти случайные причины к упомянутым выше постоянным причинам, в благоразумном предвидении и учете которых заключаются достоинства купца.

Чтобы определить на практике это отклонение, я скажу, что для того, чтобы увеличить количество денег, весьма необходимо знать также, каким образом снизить или повысить цену товаров и денег, поскольку размеры повышения или понижения определяют данное отклонение.

19. В заключение всей этой главы мы скажем, что повышение наименования, или порча, денег является весьма неприятным и неравномерным способом обложения населения. И когда какое-либо государство прибегает к таким способам, то это признак- упадка его, ибо они ведь сопровождаются бесчестьем приложения изображения государя для подтверждения правильности фальсифицированных товаров и изменой общественному

доверию, проявляющейся в наименовании вещи тем, чем она в действительности не является.

Глава XV "Об акцизе."

1. Всеми принято считать, что жители должны участвовать в покрытии государственных расходов лишь соответственно их доле и заинтересованности в общественном спокойствии, т.е. в соответствии с их имуществом, или богатством. Однако существуют два рода богатства: одно — фактическое, а другое — потенциальное.

Человек фактически и действительно богат в соответствии с тем, что он ест, пьет, одевает или каким-нибудь другим образом действительно и фактически использует. Те же люди, которые хотя и имеют достаточно возможностей, но мало пользуются ими, лишь потенциально богаты или богаты лишь в воображении; они являются скорее управляющими и банкирами других людей, чем собственниками для самих себя.

2. Поэтому мы приходим к заключению, что каждый должен участвовать в государственных расходах в соответствии с тем, что он берет себе и действительно потребляет. Первое, что необходимо сделать, — это подсчитать, чему равны в общей сумме расходы всей нашей страны, состоящие из затрат каждого жителя на самого себя, а затем, какая часть этих расходов необходима на покрытие общественных нужд. И то и другое (даже и первое) не является столь трудным, как это представляется большинству людей.

3. Затем мы должны понять, что самая лучшая идея обложения потребления состоит в обложении каждого средства существования в отдельности как раз в момент, когда оно готово для потребления; иначе говоря, не следует облагать ни зерно до того, как оно превращается в хлеб, ни шерсть, пока она не превратилась в сукно или, вернее, пока она не превратилась окончательно в платье, так чтобы могла быть учтена стоимость шерсти, ткацкой и портняжной работы, вплоть до стоимости ниток и иголок. Однако, так как такой учет потребовал бы, возможно, слишком большого труда, необходимо составить список таких товаров, как природных, так и искусственных, учет которых может быть легко произведен, на которых (на них ли самих или на том предмете, в котором они находятся) может держаться штемпель акцизной палаты и которые в то же время, насколько это возможно, готовы к потреблению. Затем нам нужно учесть, какое количество дальнейшего труда или расходов необходимо затратить на каждый из них до их потребления, для того чтобы сделать соответствующую поправку.

Предположим, например, что мы имеем на 100 ф. ст. полосатой материи для портьер и на 100 ф. ст. сукна или материи для производства наилучшего платья для людей. Я полагаю, что сукно может нести больший акциз, чем указанная полосатая материя, поскольку последняя нуждается только в том, чтобы ее взяли, и она уже у конца своего пути, а сукно требует еще затраты портняжного труда, ниток, шелку, иголок, наперстков, пуговиц и некоторых других предметов. Акциз со всех этих вещей должен быть собран в акцизе на сукно, если только вещи эти не настолько велики (как могут оказаться пуговицы, кружева, ленты), чтобы быть обложенными отдельно, и включены в упомянутый выше список.

4. Предметы, акциз с которых должен быть собран в акцизе на сукно, должны быть по возможности такими вещами, которые употребляются только вместе с сукном или весьма редко с каким-нибудь иным предметом, как, например, различные сорта специальной отделки.

Таким же образом в акцизе на зерно должны быть собраны налоги на перемол, просеивание, дрожжи и т.п. и на выпечку из него хлеба, если только, как было сказано выше, какой-нибудь из этих процессов не лучше обложить отдельно.

5. Здесь возникает вопрос, должны ли отечественные экспортируемые товары уплачивать акциз или же те товары, которые ввозятся взамен их, не должны оплачивать никакого акциза? Я отвечаю, что первые не должны, ибо они не потребляются на родине в натуре. Но я полагаю, что те товары, которые ввезены из-за границы взамен их и потребляются здесь, должны уплачивать акциз в том случае, если экспортированные товары его уже не уплатили; таким образом, то, что мы потребляем, будет облагаться один раз, а не чаще. Если же взамен товаров ввозится драгоценный металл, то в том случае, когда из него чеканятся деньги, он не должен облагаться, потому что деньги будут обменены на другие товары, которые и будут облагаться. Но если этот драгоценный металл будет переработан в украшения и посуду или вытянут в проволоку или ленту, или сплюснен в листы, то он тоже должен быть обложен, потому что этим путем он потребляется и окончательно расходуется, что особенно ясно при выделке позументов и при золочении. В этом также заключается основание, почему я считаю, что налог, который мы обычно называем пошлиной, является несвоевременным и неразумным, поскольку он означает платеж до потребления.
6. Мы неоднократно упоминали собирательный акциз, подразумевая под этим обложение многих предметов, вместе взятых, как одного. Предположим, например, что много снадобий, употребляющихся на выработку известного противоядия или патоки, употребляется только в этой смеси; в таком случае при обложении какого-нибудь одного из них все остальные будут несомненно обложены так же, как это одно, поскольку все они употребляются в известном соотношении друг с другом. В сукне могут таким же образом быть обложены работа, инструменты, а также шерсть и т.д.
7. Однако некоторые лица доводят эту идею собирания акциза так далеко, что хотели бы, чтобы все вещи облагались в каком-нибудь одном-единственном предмете, таком, который, как они думают, приближается больше всего к общему стандарту всех расходов. Основные цели, которые они при этом имеют в виду, сводятся к следующему: Во-первых, желание замаскировать название "акциз", которое ненавистно для тех, кто не понимает, что уплата налогов столь же неизбежна, как и еда, и не видит естественной справедливости этого способа собирания или распределения налогов. Во-вторых, стремление избежать забот и расходов по собиранию налогов. В-третьих, стремление придать делу устойчивость и определенность. Обо всем этом мы поговорим в дальнейшем, когда будем разбирать различные доводы за и против акцизного метода. Сейчас же мы переходим к рассмотрению различных видов собирательного акциза, где-либо предложенных.
8. Некоторые предлагают, чтобы пиво было единственным товаром, облагаемым акцизом, считая, что все остальные расходы людей находятся в соответствии с тем, как они пьют. Это, конечно, неверно, в особенности в том случае, если крепкое пиво облагается акцизом в пять (как это имеет место сейчас) или еще большее число раз сильнее, чем слабое. Ибо бедные плотники, кузнецы, валяльщики шерсти и т.д., выпивая крепкого пива вдвое больше, чем благородные люди выпивают слабого, будут, следовательно, платить в десять раз больше акциза. Кроме того, при обложении пива, которое пьет ремесленник, облагалось бы по совокупности лишь немного хлеба и сыра, платья из кожи, бычьей шеи и требухи, потребляемых дважды в неделю, лежалой рыбы, старого гороха, приготовленного без масла, и т.п. Между тем как у других при обложении напитков облагалось бы сразу настолько больше других вещей, сколько могут произвести природа и искусство. Кроме того, этот способ обложения, как бы хорошо он ни проводился, не является таким равномерным и легко осуществимым и не поддается такому контролю, как простой подушный налог, о котором мы говорили выше и который также является лишь собирательным акцизом.
9. То, что было предложено относительно пива, может быть предложено относительно соли, топлива, хлеба и т.д., и все эти предложения будут страдать одними и теми же неудобствами, ибо некоторые потребляют больше, некоторые меньше этих товаров, и иногда семьи (сбор с каждой из которых должен, как предполагается, быть сдан на откуп

независимо от числа ее членов) бывают в одно время более многочисленны, чем в другое, в соответствии с ростом или уменьшением их имущества или других доходов.

10. Лучшим из всех собирательных акцизов является, по-видимому, налог на печи, или налог на дымовые трубы; и это лишь потому, что он является наиболее легко осуществимым, ясным и дающим возможность определить размеры дохода, который он даст, ибо число печей легко подсчитать и они не перемещаются, как люди. Кроме того, легче уплатить небольшой налог, чем изменить или уничтожить печи, даже если они бесполезны или излишни. Нет возможности также скрыть их, поскольку большинство соседей знает об их существовании. Тот же, кто при новой постройке расходует 40 шилл., чтобы поставить печь с дымовой трубой, не захочет отказаться от нее из-за 2 шилл. налога.

11. Здесь необходимо заметить, что печной налог должен быть небольшим, в противном случае он будет невыносимым. Ибо легче благородному человеку, получающему тысячу фунтов стерлингов в год, уплачивать за сто печных труб (немногие из их дворцов имеют их больше), чем для рабочего платить за две. Кроме того, если этот налог будет платить лишь домохозяин, то это не будет собирательным акцизом для всех, а лишь особым акцизом, взимаемым с одного-единственного товара, а именно домов.

12. Доводы в пользу акциза сводятся к следующему.

Во-первых, естественная справедливость требует, чтобы каждый платил в соответствии с тем, что он действительно потребляет. Вследствие этого такой налог вряд ли навязывается кому-либо насильно и его чрезвычайно легко платить тому, кто довольствуется предметами естественной необходимости.

Во-вторых, этот налог, если только он не сдается на откуп, а регулярно взимается, располагает к бережливости, что является единственным способом обогащения народа, как это ясно видно на примере голландцев и евреев и всех других людей, наживших большие состояния.

В-третьих, никто не уплачивает вдвое или дважды за одну и ту же вещь, поскольку ничто не может быть потреблено более одного раза.

Между тем мы часто наблюдаем, что в иных случаях люди уплачивают одновременно ренты со своих земель, со своих дымовых труб, со своих титулов, а также и пошлины (которые уплачиваются всеми людьми, хотя купцы больше всего говорят о них). Они уплачивают также добровольные взносы и десятины. Между тем при акцизе никто не должен, собственно говоря, платить еще и другим способом, и больше чем один раз.

В-четвертых, при этом способе обложения можно всегда иметь превосходные сведения о богатстве, росте, промыслах и силе страны в каждый момент. В силу всех этих причин при акцизе требуются не отдельные соглашения с семьями и не сдача всего налога на откуп, а собирание его особыми чиновниками, которые, будучи полностью заняты, не потребуют и четвертой части расходов, каких требует взимание наших теперешних многочисленных и многообразных налогов. Ибо наложить добавочные тяготы и ответственность на провинциальных чиновников означало бы для них более серьезное испытание, чем заставить их платить небольшое вознаграждение опытным лицам, которые бы их заменяли. А ведь обычные возражения против акциза — такого рода.

13. Я мог бы привести здесь еще и способ взимания его, но ограничусь лишь ссылкой на голландский опыт. Я мог бы также сделать предложение относительно способа подготовки людей для занятия тех или иных общественных должностей, как, например кассиров, смотрителей складов, сборщиков налогов и т.д., однако я оставляю это исследование до более подходящего и соответствующего случая.